

STALKER

Артем Помозов

[ПРОКЛЯТОЕ МЕСТО]
ЛЕСТНИЦА В НЕБО

Апокалипсис-СТ

Артём Помозов

Проклятое место. Лестница в небо

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Помозов А. Г.

Проклятое место. Лестница в небо / А. Г. Помозов —
«Издательство АСТ», 2021 — (Апокалипсис-СТ)

ISBN 978-5-17-135471-8

В руки Скай, лаборанта Научно-исследовательского института Аномальной Зоны, попадает загадочный дневник, который может пролить свет на многие загадки Проклятого Места. Бывший наемник Коннор отомстил за гибель друзей. Теперь он пытается начать жизнь с чистого листа. Но как это сделать, когда прошлое тянется за ним кровавым шлейфом? В это же время боевики, что называют себя «Изоляционными силами», развязывают войну. Они уничтожают один сталкерский лагерь за другим — и не собираются останавливаться. «Удар» и «Анархисты» забывают старые обиды и объединяются перед лицом глобальной угрозы. Грядет финальное сражение. Шансы на успех крайне малы, но отступить попросту некуда...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-135471-8

© Помозов А. Г., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

| | |
|-----------------------------------|----|
| От автора | 6 |
| Глава 1 | 7 |
| Глава 2 | 16 |
| Глава 3 | 22 |
| Глава 4 | 26 |
| Глава 5 | 30 |
| Глава 6 | 46 |
| Глава 7 | 56 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 59 |

Артём Григорьевич Помозов
Проклятое Место
Лестница в небо
Фантастический роман

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© А. Помозов, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

STALKER

Издательство признательно Борису Натановичу Стругацкому за предоставленное разрешение использовать название серии «Сталкер», а также идеи и образы, воплощенные в произведении «Пикник на обочине» и сценарии к кинофильму А. Тарковского «Сталкер».

Братья Стругацкие – уникальное явление в нашей культуре. Это целый мир, оказавший влияние не только на литературу и искусство в целом, но и на повседневную жизнь. Мы говорим словами героев произведений Стругацких, придуманные ими неологизмы и понятия живут уже своей отдельной жизнью подобно фольклору или бродячим сюжетам.

От автора

Дорогие друзья, с того самого дня, как я начал работать над «Проклятым Местом», я планировал, что в итоге у меня выйдет дилогия. Но из-за того, что история получилась довольно масштабной, мною было принято решение не «комкать» повествование, а разделить финал на две книги.

Перед вами – первая половина заключительного романа. Это своеобразный «мостик» между первым и третьим томами. В связи с этим я прошу вас не обманываться, думая, что не все ружья выстрелили. На все вопросы будут даны ответы, а все сюжетные линии найдут свое продолжение в заключительной части трилогии.

Глава 1

Годы из песка

– Как все прошло?

– Больше он никого не побеспокоит. – Коннор поплевал на свои окровавленные ладони и постарался счистить кровь о штанину. – Но есть еще кое-что. Назначь встречу с лидером «Удара». С тем, кого они выберут после Андрейченко. Есть о чем поговорить.

– О чем же?

– Я скажу это, когда две самые мощные группировки Зоны усядутся за стол переговоров и позабудут взаимные обиды.

Нелюдимый искатель со странным прозвищем и туманным прошлым не стал дожидаться от Андрея внятного ответа, а продолжил шагать навстречу рассвету, вспоминая о том, что произошло когда-то давно...

...в Карьере...

* * *

Идущий во главе отряда Макс поднял руку.

Отряд замер.

– Вот жопа-то полнейшая, господа. – Макс потянулся к кобуре. – Я что-то слышал. Или показалось?

– Замолкни. – Никита поглядел по сторонам. – Если тебе показалось, что где-то какая-то жопа, это значит, что где-то какая-то жопа. В Зоне всегда так.

– Да забей. Точно показалось, Коннор, – вставил свои пять копеек Лис.

– Аномалия шуршанула где. Забей, правильно. Пойдемте, – сказал Макс. – За мной. След в след идите. Не забывайте кидать гильзы, болты, камешки и прочее говно, что увидите под ногами. На всякий пожарный. И бдительны будьте. Я этот район облазил. Здесь кабаны любят тусоваться. Ну, это так, к слову. Вряд ли они рискнут напасть на вооруженный отряд. Все же зверьки не тупые, поумнее тебя, Никита, будут, но береженого, как известно, Зона бережет.

Метла хохотнул.

На лице Коннора не дрогнул и мускул.

Лис переместил автомат в руки, сцепил пальцы на рукояти, всем своим видом показывая готовность открыть огонь, если что-то пойдет не по плану. Остальные последовали примеру своего лидера.

– Бойтесь чего? – Сашка непонимающе уставился на них. – Кабанов там, аномалий, призраков? Воевать собрались? Успокойтесь, мужики, все пройдет без шума и пыли.

– С Зоной ведь так... – Никита сплюнул. – Расслабился – и ты уже гниешь под ее вечно хмурым небом.

– Ой, да пошел ты на хер, Коннор, со своим пессимизмом.

– А по роже не хочешь?

– Что ты твякнул?

– Петушки распетушились, но подраться не решились, – вклинился Метла.

– Да что вы как дети, вашу мать?! – прикрикнул Лис, и все мигом заткнулись.

– Пора, – кивнул Макс. – Спасибо, Лис. Не в наших интересах тратить время на всякую ерундику.

Макс повел группу в центр Карьера.

На их пути встретился единственный сложный отрезок – это спуск с горы, где после прошлой «Зарядки» была зафиксирована большая концентрация аномалий. Но ветераны основательно подготовились. Распознать опасные участки помогала заранее составленная карта местности и самый передовой детектор. Правда, даже с этим подспорьем никто не пренебрегал старым дедовским методом – «прощупыванием» тропы гильзами. Зона слишком нестабильна, уповать на карту и электронику – все равно что заранее поставить себя в проигрышное положение.

– Треск слышали?

– Зверь, наверное.

– Который из деревни новичков? – пошутил доселе молчавший Кон.

– Ты debil, скажи мне? Который на четырех лапах.

– А тебе сложно без оскорблений ответить, Никит?

– Сложно, – подтвердил Коннор. – Заяц, хрен с ним.

Пошли дальше.

Шли молча, напряженно. Проведя своих через аномалии, Макс остановился и поднес к глазам бинокль. Оглядел окрестности, подкручивая резкость.

– Вот он, парни, аккурат в центре. Не соврал Сорока. Но траектория до артефакта и вправду... опасная. Ничего, пройдем.

– Слушай, Макс, а как это он отдал нам такой куш? Странно все это. Не находишь? Да и в душе тревога какая-то непонятная. – Лис поднес руку к груди, где под комбинезоном висел маленький православный крестик, подаренный покойной матерью.

– Сорока работает с «Ударом». А у них по уставу как? Помнишь? Кто какой артефакт нашел, так сразу к ним тащит, получая лишь мизерную долю. А так мы половину цены за арт закинули. Ну, половину той цены, что Валерьевич озвучил. – Макс улыбнулся. – Никто и не подкопается, если вдруг что. Да и вообще, «Удар» беспределом не занимался никогда, хоть я и знаю, что ты больше симпатизируешь «Анархистам». Вон, мой кореш Малинин поручился за этого перца.

– Но такие деньги...

– Видишь, сколько здесь аномалий? – нашелся Макс. – Полезешь, так хрен знает, выберешься ли. А если хрен выберешься, если кишки твои по веткам разматает, то и деньги тебе уже не понадобятся. А так – что? Получил от нас пять косарей вечнозеленых, а риска-то – никакого! О как. Я бы и сам согласился, честно сказать.

– Трынди потише, идиот, – шикнул Никита.

– Да ты задрал уже оскорблениями раскидываться. Простите, о ваше высочество, о умнейший сталкер из всех, что видывал свет! Так вот... Чего так смотришь, Лис? Про пять косарей? Не беспокойся, артефакт стоит не десятку, если тебя смутила фраза «половина цены». Просто нужно знать, кому нести. Не к Валерьевичу же. Вон, человечек мой, ну, Малинин этот, кореш который, шепнул, куда, кому и за сколько этот арт можно слить. Тысяч за сто восемьдесят уйдет на черном рынке. Девяносто из которых этот человечек отдаст нам. Прикиньте, сколько Валерьевич на лошках рубит, когда ему таскают «слезы» по три копейки. Я охренел.

– Пойдемте. – Метла тронул Макса за плечо. – Чем быстрее возьмем артефакт, тем быстрее покончим с Зоной.

– Ага. Точняк. Нечего тут стоять. Атмосфера тут какая-то... Жуткая, что ли.

Макс в очередной раз занял место в авангарде, поправил оружейный ремень, запустил пядерню в карман, зачерпнул горсточку гильз.

Группа прошла мимо вросшей в землю ржавой кабины «ЗИЛа». Рядом с водительской дверью валялись бычки и пластиковые бутылки, а сама дверь была замарана копотью, грязью и кровью. Кто-то устраивал здесь привал. И, кажется, не так давно.

«Интересно, – со злостью подумал тогда Коннор. – Не кровь ли это глупца, решившего отдохнуть на открытой местности? Если так, то поделом придурку».

– Остаетесь здесь, – приказал Макс. – Сашка, за мной. Ждите. Нельзя светиться большой компанией. И так уже могли светануться по пути сюда.

– Командир, ты не путай, – беззлобно пошутил Лис. – Напомнить, кто тут из нас главный?

– А кто из нас первоклассный проводник? Ну, тогда молчи, Лис.

* * *

Сашка и Макс вышли к границам гигантской аномалии. «Шар», словно сердце этого смертельного капкана, пульсировал в центре, окруженный огненными потоками.

Завораживающе.

Проводник присвистнул, но тут же осекся, поймав на себе осуждающий взгляд Сашки. Оно и понятно. Преждевременно радоваться в Зоне – это плохая примета, а бродяги Зоны – люди суеверные.

Сбросив свою походную сумку, Сашка вытащил из нее тяжелый свинцовый контейнер с маркировкой «для малоизученных аномальных образований», откинул крышку и передал кейс Макс.

– Лишь бы все получилось. – Макс дотронулся до гладкой поверхности теплого и приятного на ощупь артефакта. – Как будто что-то удерживает, – и потянул на себя.

«Шар» нехотя подался.

– Давай в контейнер его! – Сашка расплылся в улыбке.

* * *

Муха занял позицию на холме. Отсюда то место, что сталкеры окрестили Карьером, проглядывало идеально.

Наемный убийца прильнул к оптическому прицелу и положил палец на спусковой крючок.

– Прости, Лис. Малинин заплатил больше, чем ты и Валерьевич. Ничего личного, правда. – И занялся обыденной работой снайпера – ожиданием.

Как только жертвы выйдут из опасной зоны, Муха станет тем, кто откроет сегодняшнее представление.

– Дамы и господа, рассаживайтесь по своим местам. Шоу вот-вот начнется.

* * *

Они вернулись обратно на тропку, что вела сквозь топи. В камышах, в окружении кучи сгнивших двухместных лодок, покоилась ржавая баржа, весь борт которой выше ватерлинии был покрыт пулевыми отверстиями. Еще недавно на борту этой посудины базировались нейтралы-одиночки, но в итоге их перебили бандиты, заняв лагерь. Правда, после корабль оперативно зачистили бойцы «Удара», отправив жалкие остатки ренегатов ютиться на Озерах и Болотах.

А корабль так и остался умирать в одиночестве.

Как и все в Зоне.

Вдали виднелся абрис сухогруза, который, как и баржа, когда-то был облюбован сталкерами. Искатели превратили его в настоящий укрепленный лагерь, с мастерской, оружейной и жилыми комнатами. Сухогруз славился тем, что на его борту мог обрести пристанище любой

искатель, будь то анархист, ударовец или бандит. Все разборки оставались за бортом – охрана на сухогрузе была серьезная. Но и она не спасла при памятном наплыве мутантов.

На Территории Проклятых нельзя верить в чудо. Нельзя надеяться на начало лучшей жизни даже в рамках отдельно взятого кораблика. Нельзя надеяться на стабильную и спокойную жизнь.

Зона такого не любит.

– Видите порт? Там сделаем привал, – предложил Кон.

– Зачем нам привал? – переспросил Никита. – Поскорее бы убраться отсюда да слить артефакт.

– Я себя нехорошо чувствую, хотя бы перекусить нужно. Да и Макс с Сашкой рисковали. Пусть хоть дух переведут, – пожал плечами Кон.

– Думаю, пять минут погоды не сделают, – рассудил Лис. – Остановимся.

– Мы тут целой кодлой. А если светанулись где? Хотя знаешь, Лис, делай, что хочешь. Но лучше бы ты меня послушал. – И Никита замолк.

* * *

Порт поприветствовал искателей тихим скрежетом покачивающихся под порывами ветра стрел портовых кранов. Словно почувствовав приближение людей, с одного из них взметнулась в небо стайка воронов.

– Так что, привал?

– Привал! – в унисон ответила группа.

Только Никита смолчал.

– А чаек есть у кого? Чайку бы...

...Хлесткий, словно удар плеткой, выстрел из снайперской винтовки прервал Сашку. Парень будто в замедленной съемке упал на колени и зажал простреленный живот. Захрипел, держась за рану, что сочилась кровью. И в последний раз поднял глаза на небосвод...

Никита молниеносно вскинул «Винторез».

– Са-аашка-аа! – дошло до Макса.

Лис в растерянности крутил головой.

Метла не мог и шевельнуться.

А Кон сглотнул подступивший к горлу комок.

Все произошло за долю секунды.

Следующие два выстрела толкнули Сашку в грудь, выбив ткань комбинезона вперемешку с кусочками плоти, костей и крови. Глаза молодого искателя остекленели, и он рухнул лицом в испещренный трещинами бетон. Под его остывающим телом растекалось кровавое пятно.

Лис, первым вышедший из оцепенения, схватил Метлу за руку и бросился бежать к небольшому строению. Вражеские пули устремились вслед за беглецами, но удача была на стороне друзей.

– Вперед!

Пропустив друга, Лис забрался через окно в относительно безопасную постройку. Противник вел беспорядочный огонь. Пули рикошетили, отскакивая от железных балок и бетонных стен.

Макс оттолкнул Кона, но сам спастись не смог – шальная пуля, перебившая ему горло, лишила проводника этой возможности.

Никита откатился за легко простреливаемый лист жести, водрузил поверх него свой верный «Винторез» и, поймав в оптику одного из вражеских снайперов, плавно нажал на спусковой крючок. Винтовка приятно толкнулась в плечо. Снайпер шмякнулся головой вниз с дальнего крана. Достать ублюдка, что залег на холме, Никита не успел. Он поторопился сменить

позицию, пока этот самый ублюдок ее не «срисовал». Увидев, что четверо солдат противника окружают здание, где нашли убежище Лис с Метлой, он, не мешкая, высадил в гадов остаток магазина.

– А я говорил! Говорил, что нас запалят! За Сашку и Макса, гниды!

Кон будто бы испарился с поля боя.

– Коннор, сюда! – Лис высунулся в окно, выставил перед собой автомат и, надеясь прикрыть Никиту, начал стрелять.

Коннор, сорвавшись с места, успел добежать до укрытия и перемахнуть через оконный проем. Одна из пуль вжикнула совсем рядом.

– В порядке? Не цепануло? – с ходу спросил у него Лис.

– В порядке. Мы тут хрен отсидимся, – спокойно выговорил Никита, меняя магазин к своему «Винторезу». – Возьмут в кольцо, выкурят и перестреляют почем зря.

– И что делать?! – не выдержал Метла. – И где Макс и Кон?!

– Макс минусанулся. Кон куда-то слинял.

– Господи. И Макс...

– Я огляжусь.

– Давай, Лис, лучше я. – Наемник приподнял голову.

Снайперская пуля легла чуть в стороне, врезавшись в оконную раму. Никиту спас непрофессионализм вражеского киллера. Подонок выдал свою позицию, за что и поплатился. Никита был более быстрым и метким.

– Что-то они легко ложатся. – Коннор вжался в стену. – Профессионалов так легко не загасишь. И действия у них странные. Профессионалы действуют профессионально, мать твою. Продуманно и тактично. А здесь кучка клоунов открыла беспорядочную стрельбу, убив одного из наших лишь шальной пулей. Один только снайперок четко отработал по Сашке, сука.

– Макс, боже... – Метла попытался сказать что-то еще, но не смог.

– Кон, кажется, как и Сашка... и Макс...

– Не время горевать. Держимся до последнего.

Напавшие кучно стреляли по «коробке».

Во все стороны – пыль и бетонное крошево.

– Финита ля, бляха, комедия, – заключил Метла.

– Вынесем как можно больше ублюдков, – ухмыльнулся Коннор. – И отправимся в вечное ничто. Умирать – так с музыкой.

– Да ты вообще больной отморозок, – без доли шутки прокомментировал Лис.

– А что нам еще остается? Эти придурки ни разу не профессионалы, а так, шайка. Позволили убрать своих снайперов. Да и снайперы те, прямо скажем, говно. Иные бы прихлопнули меня тысячу раз, пока я прятался за листом жести, а этот палил по движущимся целям.

– Но это же не могут быть ударовцы, – зачем-то вставил Метла.

– Да ты не о том думаешь. Не важно, кто это. Уже – точно.

– Сорока, да? Так его зовут?

– Да.

– Если выберемся, спросим с него.

– «Если»... – Метла сплюнул. – Не «если», суки, а «когда»!

– Мне нравится твой настрой, парень. А ну-ка, Лис, прикрой-ка, – протянул Никита.

Лис кивнул и, переключившись на режим стрельбы очередями, выставил ствол в окно и спустил курок.

Грохотало так, что, казалось, барабанные перепонки вот-вот лопнут.

* * *

Никто не атаковал Кона. Парень был своим, одним из людей Малинина. И все это прекрасно знали. Все, кроме его лучших друзей. Кроме тех, кого он продал за немаленькие деньги. Но мог ли он поступить иначе, если на карту была поставлена жизнь матери?

Паренек рисковал, оставаясь на открытой местности. Все же от шальной пули или ошибки стрелка застрахован он не был. Под градом свинцовых очередей, дико трясаясь от свиста в ушах, Кон склонился над убитым Максом и забрал его пистолет.

Давно хотел себе такой. Немецкий, с глушителем.

С Сашки снял кейс с «шаром».

Из будки, где укрылись его старые товарищи, показался Никита.

Кон заметил его, и, не мешкая, открыл огонь по бывшему наемнику.

* * *

Пять пистолетных выстрелов чиркнули по железным рамам.

Еще два свалили Никиту на пол.

– Твою!..

– Кон... – замычал Никита. – Это он... он стрел... и «шар»... у него...

– Что? – тупо переспросил Лис. – Нет-нет, не может быть... я...

– Нога... Не могу бежать... Упал неудачно.

– Давай помогу. Вместе мы сможем.

– Моя песенка спета, Лис.

– Возьми. – Метла отдал Лису аптечку.

Лис кое-как обработал рану, обернул Никитино простреленное плечо бинтом, завязал.

– Благодарю, конечно... Но с ногой...

– Надевай, – раздалось над ухом Лиса.

– А? – Лидер группы замер.

Над ним стоял Метла, протягивающий свою разгрузку.

– Мы тут вечность стоять будем? Надевай. Они сейчас поймут, что мы замешкались. И начнут окружать здание. Чего ждешь?

– Зачем?

– Ты тупой? Все кончено. Мы оба это понимаем. Бери Никиту, уходите к сухогрузу, там больше шансов перестрелять их. Или просто укрыться. Эти гады будут в голом поле, вы перебьете их еще на подходе. С конноровским-то соколиным глазом. А я вас прикрою. Ты сказал, что они отдают приоритет движущейся цели. Может, этих нескольких секунд вам хватит. Я выйду через заднюю дверь. Вы юркнете в канаву, спуститесь с горы. У вас еще есть возможность сбежать. Коннор гораздо более ценный боец, чем я, Лис. Мы оба это знаем.

Сердце Лиса пропустило удар. Он глянул на друга, который собирался идти на верную смерть, и поразился его невозмутимости. Метла спокойно снаряжал магазин к «стечкину». Он принял единственно верное в такой ситуации решение. Он отдаст свою жизнь в обмен на жизни друзей. Рано или поздно, но их троих вытеснят из постройки и расстреляют, словно мишени в тире. Сталкер из Метлы был похуже, чем из Коннора. Так что вместе с Лисом они смогут протянуть достаточно долго, чтобы наказать виновных. И отомстить за все. Для Метлы всегда действовал простой закон. Он как-то увидел надпись на базе «Анархистов». Строки, написанные женским почерком, что гласили: «Отдай свою жизнь, чтобы твои товарищи выжили». Банальность, глупость. Но эта банальность и глупость сильно подействовали на молодого искателя Метлу. Он считал эти слова золотым правилом, своим кредо.

– Еще увидимся, брат.

– Все не должно так заканчиваться... Только не так...

– Лис! – Метла обнял своего учителя. – Спасибо тебе за все. Правда. И, несмотря ни на что, ты хороший человек. Помни это. И ты, Никит, помни.

– Все... – Умудренный опытом искатель не смог сдержать слезы.

– Пойду я. – Метла отстранился.

– Нет, стой!

Но он уже не слушал. Выбив заднюю дверь, Метла выскочил на улицу.

– Давай же! – Лис поднял Никиту, закинул его руку на свое плечо и поплелся к выходу. – Теперь мы просто не имеем права сдохнуть зазря...

Метла стрелял из пистолета в воздух. Просто для того, чтобы привлечь внимание. И привлек. Почти весь десяток бойцов, обстрелявших укрытие, переключился на слетевшего с катушек Метлу.

Спрыгнув в неглубокую канаву, Лис вместе с Никитой покинули поле боя.

Вдгонку летели пули, вздымая грязь, траву и песок.

А пистолетные хлопки давно смолкли.

* * *

Никита застонал, и Лис был вынужден опустить его на траву.

– Все. Хватит. Сукин ты сын. Дай хоть подохнуть, не видя твоей наглой рожи. Я всего лишь обуза. На хрен я тебе сдался? – Никита горько усмехнулся. – А подыхать не хочется. Очень не хочется. Я просил об этом. Столько раз. И сейчас, когда это случилось, я понимаю, что мне невероятно страшно. Не мог я и подумать, понимаешь, что свои последние минуты проведу в грязи, уговаривая тебя бежать. Не так я себе все представлял, ой, не так. Где тот домик на необитаемом острове? Все. Не хочу строить из себя героя третьесортного боевика. Вали на хер отсюда, пока я тебя сам не застрелил. Иначе жертва Метлы была напрасной.

– Коннор, рана не смертельна. Я вытащу тебя. Доберемся до «Анархистов». У Рахмана отличный врач, он тебя вмиг подлатает.

– Я знаю, что рана не смертельна. Но куда ты меня вытащишь? Плетемся, как черепахи. Догонят и убьют. Давай уже, сваливай отсюда, задрал, честное слово. А я прикрою.

– Завтра утром... завтра утром... я буду ждать тебя на «Янове» в баре у Барда...

– Если тебе больше нечем заняться будет, то жди. И да... это... чуть не забыл. Кон обрек нас всех. Понимаешь, к чему клоню?

– Д... да...

– Вот и славненько.

– Это не твоя конечная, Коннор. Не твоя...

Коннор ничего не ответил.

Лис, выдернув из ножен подаренный сослуживцем клинок, скрылся в камышах.

По небритым щекам Никиты бежали слезы.

* * *

– Ты думаешь, что одинок в этом мире? Это не так.

Никита посмотрел на восходящее солнце, вспомнив слова Лиса, сказанные им за два дня до кровавых событий в Карьере. В тот день он, Коннор, прожженный жизненным опытом суровый наемник, обманулся, поверив брату-сталкеру. Вцепился в эти слова, как в спасательный круг. Действительно уверовал в то, что вечному одиночеству пришел конец. Ведь логично?

Братство же. И эта фраза... За что еще цепляться, как не за слова? Хотя за них. Когда ты одинок, когда совсем никого – тут если в самообмане не погрязнешь, так шагнешь с крыши.

И поверил. Поверил словам. Со словами всегда так. Постоянно обманываешься. Казалось бы, что толку от этих слов, если они пусты и лживы? В этом мире лучше ничему и никому не верить, даже самым близким людям. Ведь люди часто дают лживые обещания. А не веришь никому – так и живется проще. Понятнее, что ли.

Да и самому себе лучше не верить, чего уж там.

Сейчас-то он точно одинок. Единственный друг... он же единственный враг... лежит в яме.

Прямо под ногами.

– Эх, Кон, малолетний ты придурок. Как так-то? – Наемник закурил.

Зажав фильтр в желтых зубах, поднял две доски – развалившийся крест. Первым повернувшимся камнем забил гвозди, скрепляя трухлявые доски. Недолго, но простоит. Пусть так. Другие кресты, разрушенные при штурме логова Малинина, трогать не стал. Не было ему до них никакого дела. Пусть об этих покойниках позаботится Хранитель Душ из старых сталкерских сказок.

Фильтр обжег губы, и Коннор, выплюнув бычок, втоптал его в зеленую траву.

– Эй, новобранец! – свистнул Андрей. – Ты там еще месяц просидеть настроен, что ли? И так торчим тут двое суток.

Хвала всем высшим силам, у «новобранца» хватило мозгов «Зарядку» переждать в доме Малинина, с парнями. Правда, молча просидел битый час. Но то такое... личное. Андрей уже привык.

– Здесь думается легче. Как вы там, разворовали все?

– Почти, – не стал запираяться Андрей, подойдя ближе. – Там ребятки «буханочку» сейчас подогнали, ее забиваем – и сваливаем. Пусть все, что останется, забирают ударовцы.

– Справедливо.

– Несправедливо сидеть в сторонке, пока другие работают...

– Так попросил бы помочь.

– Ладно, это же я так, шутя. Кто-то, вон, не выдержал уже, свинтил под шумок. Кот, мудаки чертов. После перестрелки – как языком слизало. Надеюсь, дурак хоть от «Зарядки» укрылся, иначе некого будет припахивать чистить сортиры за то, что пацанов в таком напряге кидать вздумал. – Анархист хлопнул Никиту по плечу. – Такой вот он заяц-тунеядец. Но, честно, мне бы сейчас не помешала твоя помощь.

– А как с «Ударом»? Не собачитесь?

– Не. Договорились с ними сразу, что награбленное пятьдесят на пятьдесят делим. Неплохо мы тут поживились, кстати. Даже при таких раскладах вооружения и экипировки нам тут на несколько боевых отрядов хватит, а уж патронов – хоть в воздух пали. Нам бы раньше все эти запасы. Глядишь, и этих-то вынужденных союзников по струнке построили бы. – Последнюю реплику он прошептал.

– Ага. Построили бы. Уже год строите друг друга хрен поймешь из-за чего. Теперь у нас общий враг, Рэй, так что забудь о том, чтобы ставить кого-то по струнке. Хорошо, я помогу с «буханочкой».

– Отлично! Быстрее управимся.

– Я только посижу тут еще минутку, сигаретку стяну одну.

– Все из-за него, да? Из-за того, кому ты крест поставил? Ты из-за него так жестоко развалил этому говноеду череп? Честно, я впечатлен и одновременно напуган.

– Мне его жаль, Андрей. Кона, не Малинина. Нет, правда, жаль. Друг, – кивнул Никита на могилку. – Мне жаль оставлять его здесь. Одного. Смешно. Не думал, что буду его жалеть. Знаешь, все то время, что я жил отшельником, я представлял, как убиваю его. Каждый день

представлял. Все мечтал сомкнуть пальцы на его шее, выдавить из него жизнь. Или сжечь в аномалии. Расчленить. Расстрелять. Да много чего. А потом я его простил. Простил, понимаешь? Разве так бывает?

– Никит, я тебя почти не знаю и уж точно не могу проанализировать, что там у тебя в башке творится. Но я знаю, что такое братство. А Кон был твоим братом, пускай все так и обернулось в итоге. Но это не забывается. Вы все, Лис и компания, – один за всех и все за одного, как мушкетеры. Я ж говорю: так просто не забудешь.

– Может быть, дело и в этом. А может быть, дело в том, что у меня отняли объект ненависти и мне теперь просто незачем жить. Кто знает... Кстати, Андрей, ты не подмечал, а? Я вот не задумывался раньше, хотя убивал частенько. Смотри, любопытно-то как: сегодня – человек, а завтра – деревянный крест. Есть в этом что-то забавное. Ты не находишь? Что-то ироничное.

Андрей ничего не ответил.

Глава 2

Ничто не вечно под луной

– Не трать силы. Их у тебя почти не осталось, – сказал ему Рохля.

– У меня еще есть шанс. Ты мне, похоже, ребра переломал своими пулками. А пара ран... и не такое переживал... дождусь своих и выберусь. А у тебя шансов нет, – сказал Кот и замолчал на добрую минуту. Потом продолжил: – Не найдя ничего, ты застрелишься. Они все стрелялись.

– Дождаться своих? «Анархистов»?

– Совсем тупой? «Анархистов», считай, больше нет. «Удара», считай, больше нет. Всех вас больше нет. – Скривился. – Скоро мы установим свой контроль. Спасем мир от Зоны.

– Ну точно – кукуха поехала.

– У кого из нас двоих?

Кот молча смотрел на хромающего Михаила. Спустя мгновение тот скрылся в темноте коридора.

Завывал ветер. Кот сидел еще минут тридцать, может, дольше. Он давно потерял счет времени. Все, что его заботило, это боль, которая мешала даже шевельнуться.

Несколько раз Кот связывался со своими парнями по рации, но в ответ слышал лишь раздражающий шорох помех.

Еще минут через пятнадцать раздался дикий крик, молящий кого-то неведомого вернуть кому-то что-то.

И после криков голову пронзила нестерпимая вспышка боли.

* * *

Кот, сжимая в руках пистолет, плелся по улицам сумрачной Припяти.

Он не помнил, как выбрался из больницы. Не помнил и о том, как добрал до этих полуразрушенных пятиэтажек с пустыми оконными проемами. Зато помнил адскую муку, которую испытывал, пробираясь к выходу. А потом обнаружил себя во дворе, у сгнившего «Запорожца», без нормального оружия и нормальной снаряги; даже экзоскелет оставил там, в больничке. Встрял, бедолага. Впрочем, до прачечной, где он и его люди разбили временный лагерь, было не так далеко. Может, еще не все потеряно.

Лишь бы загадочный куратор, которого все величали не иначе как Человек-в-черном-костюме – а называть этого сумасшедшего так были все основания, ведь он шлялся по Зоне в отлично пошитой и явно недешевой деловой тройке, неуместнее которой был бы разве что смокинг, – соизволил раскрыть Коту все карты. Бойца тревожило, почему начальство решило избавиться от Малинина. Что ему, Коту, делать дальше? Возвращаться к «Анархистам» и продолжать играть в разведчика? Или все же повести своих ребят войной на силы объединенных группировок, не боясь быть обнаруженным? И, в конце концов, кем был тот психованный ублюдок, решивший в одиночку напасть на «Изоляционные силы» и даже устранить некоторых бойцов? Рвался в комнату, где исполняются все желания? Но почему так громко? Может, его цель была вовсе не в этом?..

Начальство в курсе. У предавшего «Анархистов» сталкера была стопроцентная уверенность. Начальство всегда в курсе всех событий, иначе у них бы не выходило быть на шаг впереди каждого человека в Чернобыльской Аномальной Зоне. А что? Большие деньги зарабатывают лишь те, кто владеет информацией, а кто утверждает обратное – тот просто лжец. И еще интересный вопрос: кому он врёт? Себе или окружающим?

Занятый этими мыслями искатель прошел почти весь путь. Встал выбор: срезать через двор или пойти дальше, делая крюк, чтобы обойти этот дом и дорогу, заросшую непроходимым кустарником и березами. Во двор соваться не хотелось. Насколько Кот помнил, когда он просматривал актуальные карты местности, именно на этом участке была обнаружена пси-аномалия. Но и наматывать лишний километр тоже не улыбалось, ибо сил уже почти не осталось. И Кот, здраво рассудив, что его помутневшему разуму уже ничего не страшно, двинулся к арке.

Сначала все шло великолепно. Только пустые, без единого стекла, окна квартир давили на психику. В прямом смысле. Кажется, мелькает там что-то, а как только за пистолет хватаешься – наваждение проходит.

Когда в конце прошлого года он, в звании майора, плечом к плечу со своими боевыми товарищами зачищал город энергетиков от религиозных фанатиков, что верили, будто бы во взорвавшемся Четвертом энергоблоке ЧАЭС находится загадочный инопланетный камень, было не так страшно. От этих умалишенных знаешь, чего ожидать. Да и огнестрельные раны легко останавливают их. Оружие – вообще весомый аргумент, чтобы разувериться в чем угодно, даже в самых непоколебимых религиозных грезах. Труп-то верить не во что. В те дни Коту было по-настоящему страшно за свою жизнь лишь один раз – когда ему пришлось попутать при прорыве к эвакуационным вертолетам, так как гул от их винтов стоял на весь город, привлекая к месту эвакуации не только все силы фанатиков, но и диких зверей. Не прорваться было нельзя. На кону – жизни полковника, команды перспективных ученых и легендарного сталкера, что развенчал один из самых распространенных мифов Зоны. О том самом инопланетном камне. Был и еще один миф, о комнате в подвале больницы, где, как и в саркофаге, находился артефакт, что исполнит сокровенную мечту каждого, кто доберется до него. Но легендарный сталкер развеял и эту легенду. И движение фанатиков попросту распалось. Некоторые из них штурмовали больницу. Кот тогда отдал приказ сдать эту точку, чтобы посмотреть, во что это выльется. Но все фанатики вернулись ни с чем. Большинство застрелилось там же, в холле. Остальных люди майора расстреляли из крупного калибра на выходе.

Когда прорвались к взлетной площадке, заняли оборону у кинотеатра «Прометей» и стояли до последнего, майору было не так страшно. Вертолеты взмыли в хмурое небо, а Кот и еще несколько вояк захотели остаться в Зоне постоянными наблюдателями от Службы безопасности. Командованию этот план понравился – нужны были спецы, что помогут разобраться с теневым бизнесом наемных группировок, которые резко заинтересовались секретными лабораториями. Как позже выяснится, наемники работали на «Изоляционные силы», но эту информацию Кот СБУ так и не слил.

Позже военные объединились с прибывшими в Припять сталкерами со станции Янов и добились фанатиков, навсегда очистив город от этой падали.

А еще позднее появился Человек-в-костюме и сделал сталкерам предложение, от которого невозможно было отказаться. Правда, Кота еще тогда поразило, что ему и его команде строго-настрого запретили раскрывать свою принадлежность к «Изоляционным силам» другим агентам – таким, как, например, Малинин. Неужели начальство еще тогда знало, что придет момент и Малинину надо будет навечно умолкнуть? Интересненько. Только бы и на Кота не было подобного плана. Ничего, сегодня он потребует ответы на свои вопросы. Если нужно – под дулом пистолета. Люди-то, что окружают Человека-в-костюме, верны Коту, бывшему майору...

– ...внимание... внимание... в связи с аварией на Чернобыльской АЭС... складывается неблагоприятная...

«Началось», – понял Кот.

Разнесся звонкий детский смех, стихший в этих местах давным-давно. Заболела голова, защемило череп, как это бывает при «Зарядке». Мимо пробежала лохматая собака. Кот, разнервничавшись, выпустил в нее две пули. Пес растворился в воздухе.

Мысленно обругав себя, Кот пошел дальше, стараясь не обращать внимания на оживающий на глазах двор.

– Люда вчера своего дурного Мишку найти не могла, все дворы оббегала. Помчался малой, бабке ничего не сказал. Эх, молодежь, – старческий голос.

– У меня у самой Анька непоседливая. Все носится и носится, покоя нет. Еще и мужик мой вчера на две ночи на станцию уехал. Эксперимент они там какой-то проводят, как он мне сказал. Испытание, что ли. Боюсь, не уголяю за непоседой одна, – молодой, энергичный, красивый, даже завораживающий голос.

– Растет красавица у тебя.

Кот глянул на говоривших...

И обомлел.

Женщина, что сидела по правую руку от старушки, выглядела точь-в-точь как та девчонка из рядов «Анархистов». Как же ее там звали? Скай вроде...

«Так, все, к черту, уже мерещится всякое, – говорил сам с собой, чтобы хоть немного заглушить головную боль. – Хватит, смотри под ноги, считай кочки на дороге. Раз, два, сука, три...»

Арка, после которой до прачечной оставалось несколько сотен метров, маячила совсем близко.

Шаг, шажок, шаг.

– Эй!

Кот стал как вкопанный.

– Да, ты.

Пистолет нервно задержался в миге вспотевшей ладони.

Женщина, что несколько минут назад сидела рядом с бабушкой, положила руку на плечо Кота.

– Знаешь правило четырех «п»? – с легкой улыбкой спросила она. – Нет? – Голос стал томным. – Тогда я расшифрую. Подлые предатели подымают первыми. Самыми первыми. Мне жаль, что я позволила прожить тебе так долго. – Кот глянул на женщину, что была облачена в черные одеяния и чье невероятно красивое лицо закрывала черная вуаль.

– Я...

– Ничего не говори. – Она приложила пальчик к его губам, и Кот подивился, насколько он холодный. – Я думала, что ты справишься, майор. Дала тебе второй шанс. Вам, родившимся здесь, всегда дается второй шанс. Потому что вы даже не знаете, какой силой обладаете. Какой властью. Но теперь уже не важно. Будь осторожен.

Кот, забив на аномалии и другие опасности, сорвался с места и побежал как ошпаренный.

* * *

Бывший майор, вдоволь отлежавшись на койке, встал, размялся. Попив воды, он поднялся на второй этаж.

Дошел до запертой двери.

Постучал.

– Да, войдите, – донеслось с той стороны.

Кот и вошел.

– А, майор Дятченков, приветствую. Мне сказали, вы были измождены и ранены, когда вернулись. Что же, вижу, что целительные свойства артефактов вам помогли. Садитесь, докладывайте! Что произошло?

– Какой-то псих прорывался к комнате желаний.

– Не думал, что в эту байку еще кто-то верит, – заметил начальник. – Обычно сталкеры лезли в Припять за артефактами. Ну, это не особо важно, извините.

– Этот псих завалил нескольких парней из моей команды, да и самого меня покоцал.

– Жаль это слышать.

«Ничего тебе не жаль», – подумал Кот.

В мозгу вспыхнула картинка: Кот хватается Человека за горло, припечатывает к стенке...

– Почему вы решили убить Малинина? – спросил Кот, чтобы не потакать видению.

– Ах, вы об этом. Ну правильно, мы же не обсуждали. Ты участвовал в нападении только потому, что Малинин не знал тебя в лицо...

– Это я понял, – перебил Кот. – Почему? Я ведь четко сформулировал вопрос?

– А вас в СБУ не учили вежливости?

– Вежливости? Невежливо – это не называть свое имя. – Губы сталкера тронула снисходительная улыбка.

– Работа такая, сами должны понимать. Ладно, что уж там. Касательно Малинина. У него была задача, с которой он не справился. Он не стравил две группировки и не уничтожил их, а наоборот, объединил два сильнейших клана, создав нам миллион проблем. Попутно он должен был открыть некоторые каналы, через которые мы бы вывозили артефакты на Большую землю, зарабатывая деньги на спонсирование наших ученых. Такая же ситуация и с продажей оружия. Но он и тут все профукал. Мы не заработали достаточно денег. Не столько, сколько планировали. Плюс Малинин доверился не тому человеку. Кон – двадцатилетний мальчишка, склонный к рефлексии. Неудивительно, что он предал нас. Если бы пацан узнал больше... – Человек-в-костюме развел руками. – К черту. И, наконец, Малинин был идейным. Но не тупым. Он собрал вокруг себя людей. И если бы он выяснил, что мы не правительственные войска, за которые себя выдаем... тот моральный урод, раскрывший некоторые наши тайны, что пришел к «Анархистам», был бы меньшей из проблем. Впрочем, завтра ваш коллега должен либо поставить «Анархистов» на колени, либо покончить с ними. Видите, сколько дерьма пришлось подчищать из-за этого говножуя Малинина? Еще нужно что-то уточнять? Или вы поняли, почему он должен был умереть?

– Вопросов нет.

– Что-то еще?

– Насчет моего коллеги. Промелькнула инфа, что он все еще с СБУ. Не знаю, как к этому относиться. Смотрите, тот наемник, что раскусил Малинина, скидывал в Сеть, что слышал фамилию нашего Сеньки по военной рации, когда исследовал сгоревшую деревню новичков. Вы же знаете, что «Удар» повязан со Службой безопасности, но при этом группировка не имеет никакого отношения к пожару в Зимовище, это уж точно.

– О, майор, спасибо за информацию. – Большой начальник потер подбородок. – Мы и сами считали нашего агента погибшим, когда деревню сожгли. После той заварушки с дикими животными у тропы к базе «Удара». А он объявился спустя два дня после пожара в деревне, наплел, что выжил после Скотобойни и добирался обратно неделю. Хотя вы добрались от Края вечного лета до Припяти за два дня.

– Ну, справедливости ради: я угнал машину у «Удара». Чтобы добраться быстрее. Только из-за «Зарядки» потерял время.

– Не важно. Так что, вы думаете, что он участвовал в той перестрелке?

– Я ничего не думаю. Я лишь доношу информацию.

– Он знал Малинина, а Малинин знал его. Он мог приказать ему настроить генерала безопасников против сталкеров, ведь старику не давала покоя эта деревня. Мне же до Зимовища не было и нет никакого дела, мелкими общинами искателей надо было заняться после уничтожения основных группировок. Но СБУ... Это может означать, что он работает на два фронта, а нам нельзя светиться перед эсбэушниками. Конечно, засылая его в «Удар», мы сами

подвязали его на работу с СБ, но на то оно и прикрытие. Нельзя нам светиться, – задумчиво повторил Человек-в-костюме. – Не считая наших каналов, естественно. Хм. Если информация подтвердится, то, майор, вы должны сделать то, что должны. Нам крыса не нужна. Смотрите, как интересно получится: Кот завалит крысу.

– Сделаю.

– Чтобы поставить окончательную точку в истории с Малининым, уточню, что значит «идейный». Малинин считал, что мы хотим уничтожить Зону. Но это не так, вы же знаете. Лично я считаю, что Зона – это величайший дар для человечества. Мы зачистим ее от сталкерской погани, остановим отток артефактов, и наши ученые займутся тщательным изучением Зоны. Представьте, сколько чудных открытий нас ждет впереди!

– Вы недавно сами обмолвились, что мы будем сбывать артефакты на черном рынке.

– Это пока мы не покончим со сталкерами. Мы и оружие им продавать будем. Почему бы не взять деньги с тех, кто и так истребит сам себя? А мы только добьем. Как в вашей ситуации с фанатиками, майор.

– Интересная логика. А что с «Анархистами»?

– Вот, майор, что мне в вас не нравится. Вы невнимательно слушаете. Я же сказал, что ваш коллега позаботится об «Анархистах». У вас же сейчас другая задача – оклематься после ранения. Марш, выполнять! – И Человек рассмеялся.

Выглядело жутко.

– Спасибо, – выдавил Кот.

– Вы жили с ними довольно долгое время. – Голос Человека-в-костюме стал на порядок серьезнее. – Вы привязались к кому-то? Нормально переживаете?

– Вы, наверное, забыли, но я жил среди новичков по приказу «Изоляционных сил». Потом я их бросил, оставил умирать в полыхающей деревне. По вашему же приказу. Вы велели мне примкнуть к «Анархистам», велели избавиться от выживших новичков по пути, что я и сделал, замаскировав гибель большей части «зеленых» под несчастный случай. Я свинтил из логова Малинина, рискуя быть рассекреченным, сразу после бойни. Я напал на наших новых союзников и увел у них джип, чтобы быстрее добраться до Припяти. Неужели я так и не доказал свою лояльность?

– Вот что мне в вас, наоборот, нравится. Оставайтесь же таким же верным, майор. Я вас не обижу.

– Спасибо, я не сомневаюсь, вы же человек слова.

Дятченков вышел из импровизированного кабинета, что располагался на втором этаже прачечной.

«Верным псом оставайся. – Кота обуяла злость. – Посмей только поступить со мной так, как поступил с Малининым... и ты пожалеешь, что когда-то вообще вербанул меня!»

* * *

Шумел мотором «шестидесят шестой». К выезду готовились два БТРа. Неприхотливые, но проверенные годами «восьмидесятые»¹.

Арсений Летов стоял в сторонке и молча курил, наблюдая за тем, как его бойцы собираются на самый важный поединок в их жизни. Бывший ударовец нервничал, его пальцы, что сжимали сигаретный фильтр, дрожали. Но боялся он не за свою жизнь. Когда все твоё существование состоит из сплошных войн, бояться смерти – это самое глупое, что можно делать. Он боялся за своих ребят, боялся ответственности, которая свалилась на его плечи. Когда он состоял в «Ударе», приказы отдавали за него, он сам был пешкой и разменной монетой, и его

¹ Речь идет о БТР-80.

это, в сущности, устраивало. А теперь он вынужден стать кем-то более значимым, превратив своих вчерашних друзей в расходный материал. Это сильно подкашивало.

К нему подошел широкоплечий сталкер в экзоскелете. Летов признал в нем Тумана, своего давнего друга.

– Привет, Сень. Я тут с информацией от наших разведчиков.

– Привет, Сергей. Что там у тебя?

– По поводу «Анархистов». Смотри, когда они закончат с магазинчиком Малинина, – сказал он, – то, вероятнее всего, поедут по этому маршруту, – и развернул карту.

– Да, это хорошо. – Летов растоптал окурок. – Тогда твоя задача в следующем: берешь троих крепких ребят да устраиваешь засаду на подъезде к Армейским складам. Мы перекроем дорогу по вот этому маршруту. Будем ждать там. Всего два пути. По-другому им не добраться до своей базы. Либо мы, либо вы накроете их.

– Убить всех?

– Попробуйте найти Андрея. Если завалите его ненароком, то хрен с ним, конечно. Но мне нравится план руководства относительно того, что во главе «Анархистов» поставят нашу сучку.

– Это умно. Убить-то всегда успеется.

– Точно. Тогда бери «уазик» да выдвигайся. Каждая минута промедления играет на «Анархистов».

– Принял!

– Удачи тебе.

И Летов вновь прикурил.

Глава 3

Долгая дорога домой

«Буханочка» с намалеванной на борту символикой «Анархистов» упрямо перла по размытой песчанке, освещая себе дорогу тусклыми фарами. В кузове, среди кучи ящиков с боеприпасами, провизией и оружием, ютились четверо бойцов. Андрей сидел за рулем, Никита – на пассажирском месте. Трясло тут не меньше, чем в кузове. Зато окно опущено, покурить можно. Или подышать. Или чередовать. Лишь пыль в лицо – единственная неприятность.

Детектор аномалий, закрепленный умельцами на бампере, исправно работал, так что микроавтобус двигался бодро. Бодро по меркам Зоны, естественно.

Леса за бортом сменялись брошенными селами, села сменялись лесами, изредка вдали мелькали фермы или заводы – наследие исчезнувшего Советского Союза. Проехали мимо торчащего мордой в кювете старого ГАЗа с цистерной, на которой было написано «Молоко». У кабины распласталось тело молодого парня в типичной для новичка куртке цвета хаки. Полез, толком не освоившись, вглубь, да и поплатился за свою самонадеянность. Правда, осваиваться теперь негде. Деревни новичков, Зимовища, больше нет. Военные постарались, зачистив весь лагерь в отместку за гибель какой-то важной шишки.

– Слушай, Никит, а ты куда после? – спросил вдруг Андрей. – Ну, когда война закончится?

– Подамся куда?

– Ага. К нам не думаешь? Пригодился бы. Я с Рахманом перетру, не думаю, что он будет против.

– Не, к вам вряд ли. Без обид. Не сейчас, по крайней мере. Мне передохнуть нужно. Разобраться в себе. Сечешь? Но на Большую землю не хочу, не прижился там однажды, не приживусь и сейчас. Думаю, к ученым пойду. Может, лаборантом каким. В Зону за образцами ходить. Знай себе по окрестностям шлейся да фигню всякую для яйцеголовых таскай. Квартирку еще в научном городке выдадут. Вообще песня. Там и жизнь вдруг наладится. Кто знает?

– Устанешь тут воевать, это точно.

– А ты что, Андрюх? Всю жизнь проторчишь в Зоне?

– Не знаю я, далеко не заглядывал. Может, сорвусь. На Большую землю все равно мотаюсь периодически. Если мы победим и жизнь наладится... – Андрей задумался, крутанул руль. – Увидеть хочу кое-кого. Женщину одну. Последний раз... уже и не помню, когда виделись.

– Разошлись?

– Там очень сложная история. Раньше были близки.

– Ясно. Сигаретку?

– Угощусь.

– А вы, парни? – Он повернулся к тем, кто в кузове.

Один взял, остальные отказались.

Тряхнуло на очередной яме.

Вонючка-елочка скакала на каждой кочке. Замызганное грязью лобовое стекло мешало обзору.

Дым уходил в открытое окно, смешиваясь с чистым вечерним воздухом Территории Проклятых.

Звук работающего мотора отражался эхом.

– Анд... прем... – ожила рация на груди командира отряда. – Ш-ш-ш... Андрей... прием... ш-ш-ш...

– Да, прием, – произнес Андрей в микрофон. – Случилось что?

– По... ка... врод... ничего... не случилось, – прорвался голос Рахмана сквозь помехи. – Но... кажется... помощь понадобится... Дозорные... что Скай искали... к нашей базе... где-то два бэтээра... Не к нам, может... Но откуда два бэтээра со стороны Припяти?

Никита и Андрей переглянулись.

– Похоже, ты был прав, мой нелюдимый друг.

Пацаны в кузове засуетились, схватились за автоматы, рожки отсоединили, проверили, полные ли.

* * *

Как бы яростно Андрей ни насиловал педаль газа, а наверстать драгоценное время у него не получалось. Разгонишься секунд на десять-двадцать – и снова резко в тормоз, снова теряешь важные минуты, огибая аномалии или что-либо еще: от остовов советских малолитражек до упавших деревьев. Еще и дороги разбиты настолько, что даже для «буханочки» они – настоящее испытание.

Зазевавшийся Андрей резко выкрутил руль в метре от вспыхнувшего перед машиной «камина». Детектор аномалий надрывно запиликал, автобусик накренило, из-под колес взметнулась грязь.

Никита приложился плечом о дверь, та, яростно заскрипев, распахнулась, и сталкер едва не выпал, но водитель в последнюю секунду успел перехватить его за руку и втащить в салон.

– Фух, это было близко. – Коннор захлопнул дверь.

– Извини.

– Да ничего, Андрюх. Спасибо, что не дал шандарахнуть прямо в жерло сраного «камина».

– Угу.

– Перед нами бы извинился, – уже из кузова. – Нас тут здорово потрепало твоими чертовыми ящиками.

– Володь, не ерничай. Вы вообще слышали, что сказал...

Хлопок.

«Буханку» повело.

Андрей резко ударил в тормоза.

– Твою мать!

– Что случилось?

– Напоролись на что-то, когда обходили аномалию.

– А ты видел? – уже Никита.

– Что?

– Направо посмотри, слепой.

И Андрей посмотрел. Там, в кювете, опрокинутый на крышу, лежал грузовичок «Удара» – старенький, но хорошо сохранившийся шестьдесят шестой «газон». Тот самый, что отъехал от логова Малинина часом ранее.

– И он напоролся, обходя аномалию? – Никита напрягся и крепче сжал «Винторез».

– Какого хрена? – Андрей потянулся к дверной ручке. – Надо проверить. Может, там кому помощь нужна? И как их скинуло? Никита, ты со мной? Отлично, – продолжил он, дождавшись кивка. – А вы, парни, рассредоточьтесь. Трое охраняют. Будьте начеку! Володь, посмотри, что с тачкой. Колесо, похоже. Запаску подкинь.

– Опять для меня вся самая грязная работа, – вздохнул Володя. – Вот что бы ты без меня делал?

– Еще недавно эти ублюдки пытались нас убить, – заявил тот, что требовал у командира извиниться перед бойцами за резкий маневр. – А теперь мы впрягаемся за них? Чего ты о них печешься? Подкинем запаску да поедим. Если кто выжил – пусть сами выбирают. Илидохнут там. Плевать! В аномалию попали? Между собой перегрызлись? Бандиты накрыли? Нас это не касается. Поехали, Андрей. Они лишь временные союзники, не забывай. Когда проблема решится... они, скорее всего, снова пойдут против нас.

– Ты не можешь знать наверняка.

– Плевать.

– Заткнись, – отрезал Володя. – Идем. Быстрее сделаем – быстрее уедем.

– Вот-вот, дружище, – поддержал Андрей. – Не охренел ли ты, часом, обсуждать приказы и в демократию тут играть? Делаем, как я сказал.

– Единственное... – своим холодным голосом подхватил Никита. – Единственное, в чем хочу поправить твоего друга... Когда проблема решится – это неверная постановка вопроса. Если она решится. И если останется кому воевать между собой.

– Ага. Хрен знает, чем все закончится. Еще бэтэры эти. А ты о том, чтобы друг другу в глотки вгрызаться.

– Если это все не бред. Мы не знаем, о чем этот больной ублюдок тер с Малининым.

– У тебя проблемы? – Рука Никиты молниеносно метнулась к кобуре. – Повторяю! – Ствол смотрел нахалу в лицо. – У тебя проблемы?

– А доказательств, что слили в Сеть, тебе не хватило? – агрессивно встрял молчавший доселе боец. – А бэтэров со стороны Припяти?

– Бэтэров? Вояки какие, круг сделали, вот и все...

– Вояки не лезут вглубь, идиот. Никогда не лезли.

– Ну так никогда не лезли, а теперь полезли, – огрызнулся возмущавшийся боец. – Хорошо, ты командир, мы тебя услышали. С говном еще сожрете. Поступай как знаешь. Тока добавлю: если бы ты и вправду пекся о наших, ты бы кинул этих конченных ударовцев еще при дележке награбленного добра.

– Пошли, Никита, нечего с ним. Володя, запаска. Ты, придурок, и вы трое – в дозор. Следить за окрестностями. Никит, погнажи, быстро проверим, поможем, если что...

– Не нравится мне это. Не, я-то пойду. Просто... Смотри, аномалий тут нет, кроме «камина». За всю перепалку никто так и не показался. Скорее всего, грузовик кто-то накрыл, ограбил и смылся. Или не смылся? Что, если эти люди недалеко?

– Вы слышали, дозорные? В оба глаза! А нам надо разведать. Может, даже поживимся чем.

– Как знаешь.

* * *

Коннор, покинув «буханку», снял с предохранителя свой любимый «Винторез» и, переглянувшись с Андреем, медленно двинулся к опрокинутому грузовику. Фонарики никто не включал, нацепили на себя ПНВ, украденные из магазинчика мертвого торговца.

Никита шел первым, за ним – Андрей с автоматом, прикрывал.

Анархисты окружили свой микроавтобус и заняли боевые позиции. Надели такие же приборы ночного видения, начали шарить стволами «калашей» по окрестностям. Володя подкинул домкрат – действительно, лопнуло колесо. Но надо было еще быстренько осмотреть машину на предмет других повреждений.

– Пусто, – подытожил Никита, когда обошел грузовик.

– Вообще?

– Голяк. Даже трупов нет. Или аномалия, или звери поработали, или люди. Но так быстро, и чтоб без костей... Маловероятно. Но не станут же бандосы прятать тела. Зачем? И в пулевых тут все...

– Мне не показалось?!

– А?

Вскинув «Винторез», Никита дал короткую очередь в сторону холма, где заметил промелькнувшую фигуру. В следующую же секунду Коннор набросился на командира и повалил его на пожухлую траву. И не зря. Туда, где только что была голова Андрея, прилетела снайперская пуля. Но увязла не в черепе анархиста, а в ржавом пороге «газона».

– Лежи! Не дергайся! Не дергайся!

Звук такой – как зашипело, и заряд, прочертив воздух, врезался в «буханочку», превратив ее в груды металлолома.

Володю и остальных разбросало по дороге.

– Не дергайся ты! – просипел Никита. – Смирно лежи, идиот! – Сорвал ПНВ, так как огонь сильно «засвечивал» картинку в окулярах. – Сейчас! – Над макушкой ударялись о металл и дзинькали рикошеты. – Надо отползти за машину! Слышишь?!

Коннор откатился от Андрея и расстрелял остаток патронов в показавшиеся на дороге массивные фигуры вражеских солдат.

– Кто это, мать твою, такие?! – выкрикнул Андрей.

– Выйди и спроси, идиот! – Никита перезарядился.

Андрей заполз за кабину. Коннор поспешил к нему. Надеялся успеть.

Несколько секунд – и на грузовик обрушился свинцовый дождь.

Который сопровождали хлопки подствольных гранатометов.

* * *

Тяжелые шаги отдавались в гудящей после контузии голове.

– А этот живой. Мать вашу, да это же Андрейка, правая рука самого Рахмана...

Андрей не мог рассмотреть говорившего, перед глазами все плыло, но голос показался ему смутно знакомым.

– Нам крупно повезло, он хороший козырь.

– Или все же грохнуть его? – Щелчок. – Раз – и готово.

– Нет. Забирайте. У меня есть идея. К тому же, Летов, вам будет о чем поболтать? Правильно?

– Это точно. Мечтал после воскрешения встретить знакомых врагов. Приветули, Рэй.

– А с остальными что?

– Да никто бы не выжил. Андрюшку мы достали. Погнали, хватит прохлаждаться. Времени нет, наши уже отправились на штурм.

И считавшийся погибшим ударовец врезал своему врагу сапогом по лицу.

Глава 4

Стать призраком

Коннору было не привыкать восставать из мертвых. Столько раз уже. Первый – еще в армии, второй – на Большой земле, в ту роковую ночь, когда он впервые запачкал себя кровью, третий – в Карьере. И вот, кажется, четвертый. Что поделать? Жизнь наемника довольно жесткая.

Напавшие слиняли полчаса назад. Никите повезло, что убийцы торопились и не стали проверять всех мертвецов. Было самонадеянно и глупо полагаться на то, что взрыв положил всех. Но, наверное, воодушевились тем, что смогли захватить в плен самого Андрея – заместителя лидера «Анархистов».

Как оно вообще было?

Двое бойцов подхватили Андрея да потащили в лес. Спустя пять минут еще не до конца отошедший от взрыва Никита расслышал рев моторов.

Сталкер убрался подальше от места бойни, даже не посмотрев в сторону трупов тех, с кем еще совсем недавно перебрасывался словами в «буханочке».

Шел недолго, вымотался быстро, решил сесть на трухлявый пенек и закурить. В мозгу прокручивался сценарий дальнейших действий. Одна сцена. Вторая. Третья. И, нездорово рассмеявшись, Коннор вдруг понял...

...настало время вновь стать призраком...

* * *

Никита терпеливо ждал. Это он умел – научили в армии. Там, на самом-то деле, много чему полезному научили, вопреки расхожему мнению, что армейка – это удел для тупых людей, которые не видят ничего плохого в том, чтобы бессмысленно потратить несколько лет жизни. С одной стороны, оно так. Но с другой – человек, заинтересованный в том, чтобы убивать и при этом не быть убитым, почерпнет для себя несколько премудростей и несколько установок.

И Никита почерпнул.

Приклад «Винтореза» упирался в плечо. Перекрестье оптического прицела смотрело на разбитую дорогу. Наемник оставался невозмутимым: ровное дыхание, ровное биение сердца, палец даже не подрагивал на спусковом крючке. Со стороны он напоминал памятник какой-нибудь машине для убийств.

Внедорожник, что сейчас показался в прицеле, он заметил еще десять минут назад. Коннор успел добраться до идеальной снайперской позиции. Осталось лишь дожидаться подходящего момента и пустить в ход свои оточенные годами, полными насилия, навыки.

Старый, повидавший многое на своем пути УАЗ остановился прямо посреди дороги. Погасли фары. Четверо бойцов вышли из машины, осмотрелись и направились к затерянному в лесу разрушенному домику – скорее всего, сторожке егеря. Наверное, там у них был тайник или что-то вроде.

– Я знал, что не ошибусь с выбором позиции. Я никогда не ошибаюсь, твари. – Коннор облизнулся. – Это шикарно.

«Винторез» плюнул смертью.

* * *

Никита засунул окровавленный сигаретный фильтр в зубы, поджег кончик сигареты, сладко затянулся. После нескольких затяжек отнял сигарету ото рта теми же окровавленными пальцами, еще больше замарав фильтр.

– Ты работаешь на Малинина? Вы – те люди из Припяти? Это все – месть за смерть торговца? Молчишь?! Братишка, я теряю терпение. Отвечай, когда с тобой говорят. – Коннор задал свой вопрос последнему, пока что помилованному противнику. – Мне-то, в сущности, плевать. Я тебя, как и дружков твоих, на части разберу да и пойду в одиночку Андрея из передраги вытягивать. Чего лыбу давишь? Думаешь, не сдюжу? Сдюжу. И не таких ублюдков гасил.

– Ты все равно меня убьешь, – спокойно ответил молодой парень. – Что мне сделать, чтобы выжить?

– Уже ничего. Там, когда напали на «буханку», был шанс. Удостовериться, что я сдох. – Никита выпустил струю дыма. – Но! Сказав мне правду, ты хотя бы облегчишь свои страдания. Хорошая сделка, а? Тут ведь все равно никто не доживает до старости. Война – лучшее лекарство от морщин. Какая разница, убью тебя я или ты сдохнешь в аномалии?

– Никакой, – легко согласился пленник.

– Вот! Молодца. Поэтому давай-ка сначала. Куда увели Андрея? Что за мудака командовал нападением? Уж больно знакомый голос... И где вы базируетесь? Сколько вас? – Взялся за нож. – Можно по-хорошему... или по-плохому...

– Ладно... Ладно! – сдался боец. – Хорошо. Летов. Нами командовал Арсений Летов. Это его отряд.

– Летов? Ударовец? Так вы... Стоп! Но Летов сгинул! Достаточно давно, еще при штурме базы «Анархистов». Зимой.

– Нет. Летова кинули во время той битвы, поскольку думали, что он мертв, но мой лидер крепкий малый, он выжил. И нет, мы не с «Ударом». Наши агенты внедрены в ваши группировки. Мы называем себя «Изоляционными силами». И среди вас, «Анархистов», есть крыса. – Парень засмеялся.

– И кто же?

– Не знаю. Клянусь. Наши люди редко знакомы друг с другом. Я знаю только людей Летова. В лицо, в смысле. И поименно, да. Но они никак не связаны с «Анархистами». Больше никого. Вторым отрядом командует бывший майор СБУ по фамилии Дятченков. Это все, что я могу сказать. Возможно, внедрили кого-то из его парней. Возможно, он сам внедрен.

– Допустим. – Никита докурил. – Дальше.

– Малинин? Этот торговец? Я знал, что с нами сотрудничает кто-то из торгашей, но даже не думал, что это он. Клянусь.

– А Андрей?

– Андрей – козырь. Наши пацаны собираются обезглавить «Анархистов», убить Рахмана, морально сломать Андрея и посадить его во главу вашего стола, как сучку «Изоляционных сил». Это все, во что меня посвятили. Зачем и почему – без понятия. Сколько нас – не скажу. Просто не знаю. Говорю же, наши агенты не знают друг друга. Как раз для таких ситуаций. Из моих, что будут брать базу «Анархистов», семьдесят человек. Весь отряд Летова. У майора, как я слышал, больше, но он сидит в Припяти и охраняет верхушку.

– Ты сказал, что майор может быть лично внедрен к нам. Хотя и поставил под сомнение. Но в чем логика? Зачем засылать главу отряда в другую группировку, рискуя оставить солдат без лидера? Зачем Летова внедряли в «Удар»?

– Они профессионалы, и они долго жили среди сталкеров. Что майор, что Летов. Летов вообще был завербован, когда служил «Удару» на добровольных началах. Да и потом, мужик: незаменимых людей нет. Если бы с Летовым и майором что-то случилось, верхушка бы поставила их замов.

– Верхушка?

– Ничего о них не знаю. Видел мельком мужика в костюме, но не более.

– Ясно. А база-то есть у вас где?

– Наша – в портах Припяти. Били там лагерь в последний раз, сейчас никого нет. Я ж говорю: весь наш боевой состав отправлен на захват Армейских складов. База майора – прачечная.

– Хм. А вот это интересно. Прачечная? Та самая, где когда-то базировались пропавшие без вести искатели? Те, что в числе первых отправились в Припять? Интересненько. Спасибо. Так и быть, сдержу слово, сговорчивый ты. – Кинул нож, зарядил пистолет. – Даже жаль тебя.

– Пощади, а? Я же все сказал. К своим мне дорога заказана, они быстро смекнут, что к чему. Пощади. И я уйду. К вольным. Я же сталкером и начинал. Зимовища больше нет, но есть же и другие лагеря, пусть и помельче. Да хоть на Озера подамся!

– Озера зачистил Андрейченко. Там больше никого нет.

– Есть. Некоторые бандюги выжили. Им наверняка нужны люди. Как встану на ноги, так и свалю от них. И мы больше никогда не пересечемся, клянусь. Если хочешь, то к черту бандитов, к черту Зону, к черту сталкеров. Я вообще из Зоны упорхну.

– Я тебя слышал. Как тебя звать?

– Туман. Мое прозвище. А звать Сергеем.

– Знаешь, Туман, почему я протянул так долго? Мои друзья мертвы, а я нет. Так вот, знаешь? Потому что никогда не оставлял позади тех людей, которые могли бы желать мне зла. Даже в теории. – Лес огласил хлопок пистолетного выстрела, а голова парня плюхнулась ему же на грудь.

Кровь стекала на пожухлую траву.

– Прости меня, – с искренностью в голосе закончил Коннор.

И потянулся за еще одной сигаретой.

* * *

Никита накатил столик из фляги застреленного им Тумана. Поморщился. Не пил он особо, но сейчас хлебнул, чтобы чуток согреться. Помогло, глотку ожгло, а по телу разлилось приятное тепло.

– Как же мне осточертела бесконечная сырость гребаной Зоны. Вечная унылая пора. Только ни хрена не очей очарование.

Коннор выбросил почти полную фляжку в ближайшую аномалию. Пшикнуло, металл неестественно перекрутило – и фляга разлетелась на миллионы мелких металлических осколков. Благо, бывший наемник был уже далеко, ибо решил не созерцать действие аномалии, что нарушает все законы не только физики, но и элементарной логики.

Плутал он долго. А что делать? Мало того, что на дворе ночь, так еще у него не было карты местности, составленной после той «Зарядки», что произошла, когда они грабили магазинчик Малинина. А полагаться на старые карты – это равносильно тому, чтобы просто взять и пустить пулю себе в висок. Действие порождает примерно равнозначный результат.

Спустя еще несколько часов блужданий по опостылевшим лесам Никита выбрался на пригорок, откуда открывался великолепный вид на базу «Анархистов».

На Армейские склады.

– Чехов? Я на точке, – отрапортовал он в рацию.

Казнив Тумана, Никита связался с «Ударом» по рации, попросив своего единственного знакомого в группировке – майора Чехова – прийти на выручку. Чехов же связался со своим командованием. Нынешний лидер «Удара», подполковник Турко, согласился помочь, выделив для поддержки и обороны два боевых отряда, один из которых возглавлял сам майор.

– Мы в пути. Скоро будем, – ответил Чехов.

– Принял.

Наемник залег. Темно-зеленый плащ идеально скрывал Никиту в густой и высокой траве. Мужчина снял с плеча ставший ближе любого друга «Винторез», припал к оптике и ухмыльнулся.

У ворот базы стояли два БТРа.

И целая орава солдат «Изоляционных сил».

К ним издалека двигался шестьдесят шестой «газон».

– Предстоит много работы, – заключил Коннор.

Глава 5

Кровавая ночь

Подрагивало пламя свечи. Тени играли на потолке. Молодой парень Гришка, ссутулившийся, в очках, сидел за грубым столом, заставленным бутылками из-под водки, внутри которых плескалась какая-то жидкость.

Искатель, которого все называли Огоньком из-за его маниакальной страсти мастерить разнообразные взрывоопасные штуки, промокнул тряпку в бензине, скрутил ее и засунул в горлышко.

– Так-так-так, с этим мы закончили. – Огонек посмотрел на кусок пенопласта, лежащий на краю стола. – Надеюсь, мне не придется вас использовать, мои милые.

Он сложил бутылки в сумку, туда же отправил и зажигалку, застегнул молнию и аккуратно поставил сумку в угол.

– А если придется, вы меня уж точно не подведете, родимые.

* * *

– Хорошо, что мы выпили, иначе бы уже не выпили, – услышал приходящий в себя Андрей.

Хохот, показавшийся разрывом десятка гранат, ударил по ушам.

Андрей схватился за гудящую голову. Точнее, попытался, но ему помешали наручники, намертво сковавшие запястья.

– Эй, Летов, пали: анархистский чухан раздуплился. Паря, что ты там? Хреново тебе, да? Вставай, сука! Хватит воротник слюнями марать, падла! – И вмазал пощечину.

Рэй разлепил веки. Однако, вопреки ожиданиям, по зрачкам не резанул яркий свет. Пленник, как оказалось, сидел в темном, но почему-то трясушемся помещении. В кунге какого-то грузовика, насколько он понял. Да и гудела не башка, а старый советский мотор.

– Приветствую тебя, Андрейка. История повторяется, а? И вот мы снова по разные стороны баррикад.

– Я так и знал, что один из лучших бойцов «Удара», некогда, сука, взушник, не мог сдохнуть во время осады нашей чертовой базы. – Андрей скрипнул зубами, но не от злости, а от боли.

– Я польщен. – Летов картинно поклонился. – Но там было близко, честно тебе скажу. Если интересно, могу поведать всю историю.

– Учитывая мое положение, я никуда не тороплюсь.

– Умен, раз понимаешь положение. Ну, нам еще немного пилить, так что скрашу те пять минут ожидания, че уж там. Я, Жигулин и его ребята, царствие им небесное, – Летов перекрестился, – выдвинулись на поиски Лиса, чтобы задержать его по приказу Андрейченко. – Он раскрутил крышечку фляги и передал ее бойцу, что сидел справа от него. – Напой Рэя, а то он совсем хреново выглядит.

Андрей присосался к фляжке. Выдул половину, вторая пролилась на комбез, когда грузовичок подскочил на кочке.

– Спасибо.

– Не за что. Мы же не животные, как о нас пишут в вашей Сети после откровений наемника Коннора.

– Ага, охотно верю. Особенно после того, что вы сделали с нашими людьми.

– Так получилось, дружище. Ничего. Бывает. Забудь. Так вот, мы с ребятами по приказу Андрейченко вышли по душу Лиса. Но не свезло. Неподалеку от базы на нас напало дикое зверье. Ирония в том, что Лис сам со своим корешем приперся на выручку. Зверье окружило, я отстреливался до последнего патрона, вот только ствол, сука, клина поймал. Я и там собирался разыграть свою смерть, чтоб вернуться к своим хозяевам, но пришлось чутка позже. Не свезло, спасли меня. Боже, никогда не думал, что так скажу! Ладно. Как Жигулина и парней не стало, так и моя роль в «Ударе» закончилась. Потом мы напали на вас, а я свинтил под шумок. Мой труп так и не нашли. И я стал считаться погибшим в аномалии. Как видишь, Зона миловала.

– Я что-то среди вас не вижу ударовцев. Рожи все незнакомые.

– А я и не был с «Ударом», Андрюх. Давно уже не с ними, с прошлого года, когда ушел Малинин. Как и некоторые анархисты никогда не были с вами. Впрочем, большего тебе знать необязательно.

– Летов! – Тот боец, что поил Андрея, тронул своего лидера за плечо. – Ребята Тумана, которые на «Патриоте» выехали, уже долго не выходят на связь.

– Вляпались, может. Или связь хреновая. Забей, Астрейко, после разберемся.

– Почти приехали! – прокричал водитель.

– Вот и славно. Готовься, Андрюх, скоро твой выход.

* * *

– Что это за хрень?..

– О чем ты, Глеб? – спросил Рахман у дозорного, который стоял рядом с ним на наблюдательной вышке.

– Как будто что-то движется вдали. Техника какая-то. Глянь-ка. Что-то у меня плохое предчувствие.

– Дай-ка, сейчас... – Рахман посмотрел в окуляры бинокля. – Хм. Я ничего не... – Сталкер вдруг резко замолчал, у него буквально отвисла челюсть. – Что за, мать твою?..

– Вот и я о том же!

Отсюда, с вышки, можно было разглядеть два БТРа, что рыскали прожекторами по обочинам; по обе стороны от них шли колонны вооруженных до зубов людей в экзоскелетах.

* * *

Следующий час ничего не происходило. Боевые машины просто стояли у главных ворот. И из машин этих никто не показывался. Анархисты нервничали, заняв позиции и наведя на транспортеры стволы. Потом на дороге показался ГАЗ-66. Подъехав к одному из БТРов, грузовик остановился. Из газоновского кунга на старый асфальт прыгнул человек в экзоскелете. Подойдя к воротам, он снял с себя шлем и вытащил из кобуры пистолет.

Темноту прорезал свет прожекторов.

Рахман находился на наблюдательной вышке, не отрывая взгляда от сталкера в незнакомой экипировке.

Глеб притаился за ним, вцепившись в цевье автомата.

Противник, лицо которого Рахману показалось жутко знакомым, демонстративно откинул пистолет в траву и поднял над собой рацию.

– Чего они хотят? – шепнул Глеб.

– Кажется, поговорить.

– Наши люди сосредоточились? «Удар» поддержит?

– Я еще не успел связаться с «Ударом».

– Да твою ж налево!

– Попробуем сыграть по их правилам. – Рахман расчехлил рацию.
Исовец продемонстрировал два оттопыренных пальца.
– Кто вы? – спросил Рахман, настроившись на нужный канал.
– Разве это имеет значение? Мы те, кто пришел сровнять вас с землей, если вы не захотите, так сказать, удовлетворить наши требования.
– Я слушаю.
– Анатолий Иванович Рахманинов, более известный как Рахман, ты помнишь меня?
– Рожа знакомая. А вот откуда ты знаешь мое настоящее имя?
– Я Сенька Летов. Ну, тот парень, что поубивал кучу твоих людей во время войны «Анархистов» и «Удара». Не, сейчас я не с ними, так что можешь не бежать жаловаться членососу Турко. У этих сосунков никогда не наберется той боевой мощи, что есть у нас.
– Вот уж прикол. Уже двое у нас воскресли из мертвых. И кто вы тогда, если не «Удар»?
– Нас называют «Изоляционными силами», но тебе пока не нужно знать, что это значит.
– Так, паря, а хочешь-то ты чего?
– Пришло время ответить за свои преступления. А имя я твое знаю... потому что знаю. Есть у меня возможность – знать все. Работа такая, о! Я вас всех поименно назвать смогу, – махнул рукой переговорщик. – И тебя, Глебушка, тоже. Всю вашу шайку. А чего я хочу в итоге? Смотри.

Побитого и связанного Андрея грубо вытолкнули из кузова и бросили к ногам Летова, как мешок с дерьмом.

– Рахман, сейчас я пушу пулю в лоб твоему любимому Андрюшке. – Летову передали ранее выкинутый им пистолет. – Бах – и все кончится. – Андрея поставили на колени. – Но можно переиграть и иначе!

– Ну? – Рахман сделал шаг назад.

– Ты спустишься сюда, займешь место своего зама, а твоя банда сдастся Службе безопасности. Помилование по уголовным статьям не обещаю, но хоть живыми останетесь. Все, кроме тебя, естественно. Такова цена, Рахман. Явись ты к воякам – и тебя сразу же прикончат. И уж поверь, я не могу отказать себе в удовольствии лично вышибить тебе мозги. На размышления даю тридцать минут. Если ты не выйдешь через полчаса, твой Андрейка умрет, а мы начнем штурм. Не пытайтесь бежать, сразу зажмуритесь. Что для тебя важнее, Рахман? Твоя жизнь? Или жизнь твоего друга и твоего бандитского братства? Решай. На связь можешь не выходить. Твой ответ – это твои действия. Уже двадцать девять минут. – Летов отключился.

И ушел из-под луча прожектора. Сеня, вытащив пачку сигарет, остановился у брони, чиркнул спичку и поднес ее к кончику. Табак загорелся, задымил.

Снайперу хватило этой маленькой, но яркой точки в ночной темноте, чтобы вычислить свою цель. Пуля, выпущенная из бесшумной снайперской винтовки, всего секунду спустя оборвала жизнь майора.

Кровь брызнула на кузов.

– Что?..

– Сеня! Сенька! Суки!

– Кто стрелял?!

– Валить их надо!

– Штурм! – завопил кто-то.

На ограждения базы обрушился шквал автоматных очередей.

* * *

Кровь всегда пахнет одинаково – и не суть важно, чья эта кровь. Кровь мужчины или женщины.

Кровь ребенка или взрослого человека.

Кровь новичка или кровь умудренного жизненным опытом сталкера-ветерана.

Она всегда пахнет металлом.

Незабываемый запах.

Идеальный.

А привкус!

Металлический привкус, как у монеток.

И цвет у нее, у крови, всегда один.

Алый.

Прекрасный цвет.

У всех и у каждого. Так что ничем человек не уникален. Никто. Не имеет значения, мальчик он или девочка, мужчина или женщина, старик или старуха, герой или подлец. Кровь у всех красная. И она всех роднит. Как породнила со всеми этого ублюдка, чьи мозги расплескались по броне боевой машины. А ублюдок этот, судя по поведению, возомнил себя уникальным.

Непобедимым.

Забавно.

– Где уникальность и неповторимость? – оскалился Коннор. – Где гонор? Достоинство? Честь? Где все это? Испарилось. Все испарилось. Кроме смирения. – Он отлип от оптики. – Почему-то каждый уверен, что он нечто большее, чем ходячий мешок с говном, кишками и кровью. Почему-то каждый уверен, что он не влачит жалкое, лишенное всякого смысла существование. Что он, сука, герой одной великой истории, а все вокруг – это только картонные декорации, расставленные для него. Каждый из живых.

Коннору всегда было весело наблюдать за тем, как они потом разочаровывались, как сознавали, что ошибались. Он повидал много таких людей. Всякий раз одно и то же. Разочарование. Угасающее сознание понимает, что ему не зацепиться за гибнущую оболочку...

...что оно соскользнет в небытие...

...в ледяную тьму, которой нет конца и края...

...тогда-то и приходит смирение...

Интересно, Летов понял, что сдох?

Хотя неважно.

Коннору было приятно созерцать, как кровь Арсения вперемешку с мозговой жидкостью стекает по темно-зеленому корпусу.

Наемник помнил первую жертву. Первая жертва четко врезается в память. То был паренек. Там, еще на Большой земле. Подонок, решивший, что раз у него есть деньги и некое подобие власти, правосудие никогда не достигнет его. Никита держал его за шею и выдавливал из него жизнь. И увидел. В его самый последний миг. В глазах проскользнуло. Смирение. И в ту же секунду смирение сменилось чем-то иным. Благодарностью, что ли. Он благодарил Никиту за то, что тот сделал. За то, что показал ему точную цену его уникальности. За то, что прекратил всю драму и бесполезную суету, которая занимала его с утра до ночи. Страх не давал ему принять правду. Как не давал принять правду его вшивой семейке, убитой там же. И этот же страх не дает принять ее тысячам живущих на забытой богом планете. Страх не дает поверить в то, что любовь, ненависть, любимая работа, дружба и семья – это ничто. Затянувшийся сон. Раскадровка. Фильм, что просматривает человек перед тем, как кануть в бездну.

Такие люди, как Никита, понимают это.

Такие люди, как Летов, – нет.

Бывший ударовец устроил перед воротами целое представление, целое шоу, поставив себя на главную роль. И где теперь его напускная бравада? Где он сам?

Пошли титры, а просторы чернобыльской помойки сменились черным экраном.

– Ну что? Ты понял, Сенька? Понял-понял. Теперь точно. Все исправлено. Теперь все вернулось на круги своя. – Никита поднес рацию ко рту. – Чехов, это Коннор.

– На связи, – донеслось из динамиков рации. – Мы на подходе. Не вздумай только по нам шмалить.

– Вы как раз вовремя. Жду.

– Пора вмазать гадам, – и рация замолкла.

А Коннор вернулся к своему любимому занятию – уничтожению двуногих тварей.

* * *

Андрей вскинулся и, собрав скудные остатки сил, плечом оттолкнул от себя конвоира. Тот, не ожидая от пленника подобной прыти, свалился, словно подкошенный, разбивая нос об асфальт. Пуля, которой предназначалось отправить анархиста в ад, нашла иную цель – сразила наповал бойца «Изоляционных сил». Его шлем оросился красным, брызнув осколками окуляров.

Помолившись всем богам, о каких он только слышал, Андрей бросился к металлическим трубам, что валялись у забора.

Всюду трещали автоматные очереди.

Сверкали вспышки и дзинькали рикошеты.

Кто-то из миновавших смерти исовцев направил ствол на беглеца, собираясь расстрелять Андрея в спину...

...но случилось чудо...

Несколько снайперских выстрелов прикрыли анархиста, подарили ему шанс.

– На бэтээр!

– Едем на машинах прямо на заборы! – услышал Андрей, когда до спасения оставались считанные метры. – Идем на штурм!

– «Газоном»! Леха, в «газон»! Снеси их ворота к хренам собачьим!

– Ублюдки завалили Летова! Никакой пощады!

– Ромич, на броню давай!

– Валите всех!

– Автоматы зарядили!

– Ты сделал свой выбор, Рахман!

– Стреляли откуда-то издалека, не с базы!

– Какая, на хрен, разница?! Разнесите тут все! Все!

– Убейте всех!

Десятки голосов, перекрикивающих стрекот очередей, слились воедино. А потом их заглушил вой пулеметной башни. Рэй перепрыгнул через трубу, прижался к холодному металлу и часто-часто задыхался.

Дзинь-дзинь-дзинь – давили на мозги попадания.

Пот лился ручьем, едва ли не буквально заливая глаза.

– Выкурите его! Выкурите падлу! Он там, за... – Дальше выкрикивать приказы стрелку помешала дырка в шее.

А грузовик уже упрямо пер на ворота.

– Оля, я не хотел, чтобы все так закончилось... – вырвалось у Андрея.

* * *

Рахман, отчаянно матерясь, велел Глебу немедленно убираться. Спровадив дозорного, он лег животом на холодный металлический пол вышки и мысленно обругал того, кто безрассудно открыл огонь.

«Можно же было обойтись без кровопролития. – Упер приклад в плечо. – Хороший аппарат – „калашников“ с коллиматорным прицелом. Практичен, а еще невероятно смертоносен. То, что доктор прописал».

Лидер «Анархистов» прильнул к прицелу и совместил перекрестье с маской противника. С маской того уроды, что заводил «газон».

– Так, спокойно... – Руки тряслись от напряжения. – Все получится! Нужно только грамотно рассчитать.

Задержал дыхание. И плавно выжал спусковой крючок.

Приклад несильно толкнулся, и «калаш» выплюнул свинцовую смерть.

Но именно в этот момент грузовик, пробуксовав на месте, сорвался и помчался к воротам базы. За ним шел БТР. На фоне велась стрельба, рвались гранаты.

Рахману ничего не оставалось, кроме как успокоиться, выкинуть из головы все лишние мысли и расквитаться хотя бы с водителем ГАЗа. Вторая попытка – и снова мимо. На верхней части лобового стекла образовалось пулевое отверстие, от которого во все стороны расплзлась паутинка трещин. Водитель даже не дернулся, так и продолжал жать на педали. Не испугался, не дрогнул, а ведь Рахман почти попал в него!

– Недостаточно метко! Все равно недостаточно метко!

Последний шанс!

Сейчас все разрешится!

Обругав себя за несобранность, Рахман вновь положил палец на спуск. Он вдруг подметил, что это самое приятное чувство в мире – когда от легкого движения твоего пальца зависит судьба другого, ненавистного тебе человека.

ГАЗ был совсем близко.

И Рахман нажал на спусковой крючок. Очередь впилась в пассажирское сиденье. Обрывки поролона и кожаменителя закружили в кабине.

– Черт!

Патронов в магазине – меньше половины, а грузовичок шел слишком быстро. Замешкаешься еще на несколько секунд – и не заметишь, как машина влетит на территорию группировки. В кунге, как отметил Рахман, десяток бойцов, если не больше. Нужно что-то делать! Рахман подавил волнение и выпустил последнюю очередь, опустошая магазин до последнего патрона.

Автомат щелкнул.

Лобовое высыпалось, спинка водительского кресла окрасилась в красный цвет, а хладнокровный водитель уткнулся лбом в руль, упав прямо на кнопку клаксона.

Сигнал завизжал на всю округу.

– Получай, гнида! – зло выкрикнул Рахман, сплевывая. – Черт! Черт! Нет!

Неудача.

Убитый продолжал давить ногой на газ. Грузовик, хоть и потерял управление, не останавливался. Он несся прямо под основание хрупкой вышки, в то время как БТР свернул на бетонный забор. Ворота базы сложились, словно были из фанеры. Рахман метнулся к лестнице. Раздался оглушительный грохот, послышался скрежет сминаемого металла, и лидера группировки сорвало с вышки. Он закричал, полетев в объятия сырой земли. Автомат оттяги-

вал плечо. Глухой хлопок и взвившаяся пыль – и Рахман уже не мог шевельнуться. Дыхание перехватило, мир потерял краски, а время как будто замедлилось.

Все болело. Не без труда повернув голову, Рахман ужаснулся. Рядом с ним в луже собственной крови лежал один из его бойцов. Шея неестественно вывернута, глаза – остекленевшие, с уголка синеющих губ сбегает красный ручеек.

– Бо... же... – прохрипел Рахман, в упор глядя на застывшую на устах погибшего улыбку. – Суки... суки...

– Отступайте! – слышал он.

– Вали гадов!

– Занять позицию!

Смерть руководителя выбила исовцев из колеи. Дезориентированные после потери командира, бойцы вели яростный, но чертовски непродуктивный бой, чуть ли не в открытую кидаясь на врага вместо того, чтобы методично зачищать точку за точкой, прорываясь от укрытия к укрытию. Ими правили эмоции, а не холодный расчет, и в этом была их самая главная ошибка.

Боевая машина на всех парах летела на заборы. Пули снайперов с уцелевших вышек рикошетили от брони, но не наносили транспортеру значимого урона. Пулеметчик повернул башню и зажал гашетку. Застучали продолжительные очереди, расчерчивали воздух, дробили все вокруг. Снайперов разорвало на куски крупным калибром, части тел перекинуло через ограждения.

– Нет... нет... – только и мог выговорить Рахман.

«Восьмидесятый» сметал ограждения. Движок громогласно заорал, когда внушительный броневи́к «Изоляционных сил» принялся крушить укрепления. Медленно и верно. Столбы вырвало, погнулись железные листы, которыми анархисты заделали дыры в бетонном заборе. Да, листовая металл – не ахти какая защита, но «Анархистам» везло, что в их секторе не водились опасные и крупные хищники, иначе вся их система обороны не стоила бы и ломаного гроша. За БТРом двигался небольшой отряд, отстреливающий тех, кого пропустил пулеметчик. В сторону Рахмана никто даже не смотрел. Что и неудивительно, он и так походил на мертвого, валяясь подле рухнувшей конструкции.

Гранатометчик выпустил кумулятивную.

И снес казармы.

Трое анархистов бежали к «коробочке»². Двое – с дробовиками, один – с гранатой. По всей видимости, они решились на сумасбродный шаг: повалить тех, кто укрывался за броней, после чего запрыгнуть на корпус и рвануть люк, закончив все зачисткой экипажа и подрывом БТРа гранатой изнутри. У них бы и могло что-то выгореть, если бы стрелок клевал носом. Но он был настороже. Раскалившийся докрасна пулеметный ствол выплюнул три короткие очереди, по одной на каждого. Парни попадали, словно кегли в боулинге, пыль сразу же накрыла их, похоронила под собой. Похоронила тех, кто осмелился на рывок, тех, кто не видел иного выхода. Ведь им было необходимо остановить БТР, чтобы защитить базу и своих братьев.

Любой ценой.

Стоило оно того?

Механик-водитель выжимал из боевой малышки все, что только можно. Но дальше заграждения поддавались тяжелее.

– Не много ли времени, сил и топлива вам придется угробить на бесполезное дело? – буркнул Рахман, пытаясь подняться на ноги.

Пулеметчик открыл непрекращающуюся стрельбу по всевозможным сооружениям. Полетели щепки. Навес, под которым мирно стояла ржавая «газелька», обрушился. Раскроши-

² «Коробочка» – БТР на армейском сленге.

лись стекла магазинчика, что принадлежал группировке. Подломились опоры теплиц. Оконные ставни многих строений превратились в труху. Находившиеся внутри анархисты, не успевшие выбежать, остались в бетонных коробках навсегда. Выстрелы пропахивали песок у ног ретирующихся с поля боя сталкеров.

Людей раскромсало и раскидало по дороге.

Лента наконец опустела.

А водитель продолжал жечь горючку.

Стало жарко.

Запахло паленым.

– Твою мать!

Огонь стремительно распространялся от горящего «газона». Волосы трупа, что лежал рядом, вспыхнули.

Минуту спустя пламя добралось и до плоти погибшего.

– И ведь ничего не останется. – Рахман, помогая себя автоматом, словно костылем, вновь попытался встать. – Никаких останков. Все сгорит. До пепла... – Застонав, все же смог подняться. – Ничего не останется, чтоб его. Некого и нечего хоронить. Словно и не жили никогда. Сколько таких еще? – вслух спросил у себя самого.

* * *

Рэй бежал. Запыхался. Хлопотное дело – перемещаться от одного укрытия к другому, словно в старой компьютерной игре, геймплей которой строился на перебежках от стенки к стенке и редкой стрельбе. Только вот у Андрея не было возможности защититься.

«Хреново это, конечно, когда не можешь себя обезопасить, блин», – закрадывались мыслишки. Руки связаны, а найти то, чем можно было бы размолотить или перерезать цепочку наручников, когда ежесекундно рискуешь схлопотать пулю, практически невозможно.

Рядом что-то взорвалось, обдало жаром. Андрей приближался к той самой вышке, на которой перед боем стоял Рахман. Ему нужно было удостовериться, что друг выжил. Помочь ему, хотя Андрей сейчас не мог помочь и самому себе. Но если он бросит Только Рахманинова умирать, то простить себя уже не сможет.

«Или нужно убедиться, что он мертв. Ты ведь хотел этого?! С той самой поры, как познакомился с Оленькой».

– Заткнись! – заорал на самого себя. – Рот закрой, мудила!

Андрей перепрыгнул через нагромождения металла.

– ...ничего не останется, чтоб его. Некого и нечего хоронить. Словно и не жил никогда. Сколько таких еще? – услышал он тихий голос.

– Надеюсь, что мы не одни из них, – отдышавшись, выдавил Андрей. – Хрен ли ты молчишь, козел? – И улыбнулся. – Не рад меня видеть?! Я вот рад! Давай обнимемся, братан, а? Только это... – Рэй вытянул скованные руки. – Помоги, а? А то точно пристрелят.

Рахман, от неожиданности потерявший дар речи, закивал.

* * *

Огонек, занявший позицию у старой, уже наполовину обрушившейся будки контрольно-пропускного пункта, отчаянно отстреливался от напирающих со всех сторон врагов. Патронов оставалось совсем немного, но и покинуть укрытие он не мог. Противники рассредоточились едва ли не в открытом поле, где их единственным спасением были деревья и бугры, так что Огонек был в более выигрышной позиции. Но как только он попытается покинуть

будку, как только попытается перебежать к наваленным друг на друга мешкам с песком, сам окажется словно на ладони.

– Вот суки, – в сердцах сплюнул он.

Дальше палить очередями было нельзя. Пришлось переключиться на режим стрельбы одиночными и держать оборону точными выстрелами.

– Погодите-ка... – Огонек откинул автомат, снял с плеча сумку, где звенели сделанные им «коктейли Молотова». – Есть у меня один аргумент в свою пользу, твари вы недоношенные. – Вытащил зажигалку, чиркнул кремнем. – Как насчет того, чтобы сыграть со мной в игру?! – Схватил одну бутылку и поднес пламя к пропитанной бензином тряпке, что была воткнута в горлышко. – Мамка вам наверняка в детстве говорила, что играть с огоньком – запахло. А вы и не послушали! – Подгадав момент, он высунулся и, размахнувшись, швырнул «молотова» в сторону вражеских солдат. – Горите, нацистские ублюдки!

Следом – еще один.

И еще.

– Чуваки, вы сгорели на работе! – Огонек отпустил черную шутку, когда с упоением рассматривал вспыхнувших исовцев. – Не, вы реально сгорели! Ха-ха!

Порывался поднять автомат и прекратить мучения бегающих по полю фигур, но сдержался. Гады должны настрадаться. Хотя бы в последние секунды своего существования.

– Не переживайте, мужики. У меня еще осталось несколько бутылочек для вашего бэт-ээра.

* * *

– Темновато тут как-то, не находишь?

Андрей и Рахман укрылись в относительно безопасной казарме.

– Слушай, братан, я все понимаю, но, может, ты наконец-то освободишь меня?

– Виноват, шеф. – Рахман достал пузырек с какой-то химией. – Не дрейфь, Рэй, это так, своя метода. Слава одной аномалии. Аккуратно только. – Он плеснул капельку прямо на цепочку. – Вот видишь, братка! – Зашипело, металл начало разъедать. – О как. Осторожно только. Лучше на другое место пересядь, чтоб в это жопой не влезть.

– Спасибо, сраный Уолтер Уайт.

– Держи, – протянул Рахман другу свою фляжку. – Хлебни.

– Как еще эти браслеты снять? – Андрей выпил треть, закашлялся.

– Техник наш, если выжил, снимет. Но об этом потом. Надо пока думать, что делать дальше.

– Дальше? Валишь отсюда к чертовой матери. Может, пробиться к командному пункту или арсеналу. Не знаю. Правда. Я в такой жопе раньше не бывал.

– Не бывал? – Рахман даже заулыбался. – Да мы всю жизнь с тобой в такой жопе оказываемся. С самого детства. Ты вспомни, как тебе, кретину, приспичило в ночь перетягиваться кататься на великах, а у нас были спущены колеса. И что мы придумали? Лезть в закрытые гаражи, через колючую проволоку, рискуя оставить на этой проволоке свои яйца, чтобы достать из гаража насос. Подождать пару часиков, пока проснется охранник, чтобы открыть ворота, – не судьба была, как видишь. Тут, правда, ситуация не особо смешная, но ладно.

– Зато покатались. И получилось, блин, мини-приключение.

– Ага.

– Знаешь, у меня идея. – Андрей вздохнул. – Пробьемся к ангару, соберем по пути наших, а потом займем его...

– Ангар захвачен. Лучше пробиться к центральному зданию. Многие из нас закрепились там же. Соберем их, а потом уже отправимся отбивать ангар. Кстати, на хрена?

– Это наш последний шанс. В ангаре найдем всю рабочую и уцелевшую технику. Поможем нашим пацанам туда загрузиться. Загрузим и все припасы, все оружие, что сможем спасти. И будем сваливать. Третьего не дано.

– Все замечательно. Только, братан, как мы свалим? Выйдем из ангара – и нас накроют два бэтэра. И капут.

– Попытаемся прорваться.

– Андрюх, хреновая затея. Давай так – к командному центру. Соберем наших и тогда уже решим, что делать дальше. На крыше ангара, я видел, засел гранатометчик. Может, порешим его. И заберем гранатомет. И прикроем отход наших ребят. А потом уже попытаемся прорваться. Мне кажется, это лучше, чем то, что предлагаешь ты. Хотя все равно хреновенько.

– Хорошо, – подвел черту Андрей. – Двум смертям не бывать, а одной не миновать.

– Это ты в точку!

– Пошли!

* * *

Задолбил пулемет.

– Да у тебя там что, как в этих ваших говнистых компьютерных стрелялках?! Бесконечный боезапас, а?! – в никуда прокричал Огонек. – Когда же ты прервешься на перезарядку, засранец?!

Деформированные кузова грузовичков, микроавтобусов и джипов, что стояли на улице, превращались в дуршлаг – крупный калибр с легкостью дырявил корпуса и стены, отовсюду сверкали искры, летала пыль и бетонное крошево. Звон – это осыпалось стекло.

Мотор броневика натужно взревел.

Гришка перепрыгнул через наваленные друг на друга мешки с песком и прижался к ним с другой стороны.

Отдышавшись, Огонек схватил свою флягу и отпил немного горячительного.

– Пьем на работе, да? Я что, ирландец? Не! Я круче! Круче! Я, бляха, король этой гребаной Ирландии! – Он тут же заржал. – Ну все, чердак со страху поехал.

Страшно? А как иначе-то? Чертовски, мать его, страшно! Одно неверное движение – и ты кучка говна, размазанная по раздолбанному асфальту.

Адреналин впрыскивался в кровь в бешеных количествах, в висках пульсировала адская боль. От перенапряжения Гришка был готов плюнуть на всех с высокой колокольни и забить на ответственное решение, которое сам же и принял.

Но давать заднюю поздно, да и это не в его стиле.

Транспортер обогнул руины.

– Еще чуток, – кивнул Огонек. – Знаете, что необычного в моих коктейльчиках? Я растворил пенопласт в горячей смеси. Получился такой вот своеобразный самодельный напалм. Облепит все – и поминай, как сучка выводит нарекла. Никто не покинет горящий бэтэр живым. Никто. Так-с, дай-ка, блин, еще глотну. – Выпил еще граммов пятьдесят. – Так, все. Хоккей. Хватит оттягивать неизбежное! – Гришка закрутил крышку и запихнул флягу в карман. – Готов? Да. Да. Да, сука! Хватит бить баклуши и отсиживаться! Пора!

В поле зрения возник один из типов в экзоскелете. Огонек понял, что не успеет вскинуть пистолет и выстрелить первым...

...шальная пуля просвистела у самого уха, опалила его и едва не срезала мочку.

Ударил в мешок с песком, брызнули песчинки.

Огонек, заорав, как пациент психиатрической клиники, начал безумно нажимать на спусковой крючок.

Израсходовал всю обойму, но завалил гада.

– Еще бы миллиметр, – посетовал он, стряхнув грязь со щеки, – и, блин, привет вам, предки!

Пушка БТРа заметалась из стороны в сторону, выискивая цели.

– Давай, Огонек, твой выход.

Прыжок!

Рывок!

Пулеметчик дернул ствол в сторону несущегося анархиста. Но тот, вовремя среагировав, сиганул в траншею. Строительные бытовки, что когда-то служили ночлежками для бойцов группировки, приняли на себя длинную очередь.

Огонек был готов поклясться, что чувствовал жар от свистящих совсем рядом пуль. Клубилась пыль, она накрывала – не продохнуть!

Когда стрелок все же прервался на перезарядку, Гришка вскочил на ноги.

Песчаная завеса, поднятая выстрелами, сыграла на руку.

– Получай!

И метнул коктейли.

Бутылки со звоном разбились. Одна ударила перед машиной, вторая попала в правый бок. Горючая жидкость через технологические отверстия затекла в вентиляцию и моторный отсек.

– Давай-ка! Оставшиеся! Ну-ка!

Огонь объял казавшуюся неприступной единицу боевой техники.

Экипаж не успел предпринять никаких мер.

Повалил дымок.

Пулемет начал изрыгать очереди, но уже беспорядочно.

– Либо добыю вас тут всех, либо сокращу вашу численность настолько, что Зона завершит за меня начатое. Вы же не забыли, что Гришка я только за бутылочкой пива? А на поле боя я, сволочи, Огонек. И я припас для вас своих малышей! У меня еще есть! Не обольщайтесь!

И зажмурился от яркой вспышки, что расцвела на том месте, где ехал второй БТР.

* * *

Никита, давно покинувший снайперскую позицию и объединившийся с подоспевшими на выручку бойцами «Удара», прижался к бетонному забору и поднял ладонь вверх, приказывая союзникам остановиться.

Рев движка – свет фар. Мимо промчался «шестьдесят шестой».

Коннор, удостоверившись, что грузовик скрылся, дал отмашку двигаться дальше. Фигуры бойцов скользили вдоль бетонных плит. Рядом что-то взорвалось, и Никита едва успел пригнуться. Садануло по ушам, окатило грязью.

Очухавшись, наемник повел группу дальше.

Вокруг жужжали автоматные очереди, хлестали снайперские выстрелы.

Горело.

Ударовцы зашли противнику в тыл. Отряд из десяти человек удерживал подступы к арсеналу группировки. Еще человек пять заняли оборону в здании, но достать их было легко.

– Чертовы подонки, – прошептал Коннор. – Прорвались за транспортером, выбили тут всех и закрепились. Держат позицию. Грамотный ход, отдаю должное. Давайте, – скомандовал он уже в микрофон.

– Принял, – ответил Чехов, вжав в ухо раковину микронаушника.

Автоматы залязгали затворами. Похоже, исовцы были настолько уверены в себе, что даже не озаботились такой примитивной вещью, как контроль периметра.

– Сейчас! – рывкнул Чехов.

Враги обернулись.

И их экзоскелеты порвало на лоскуты.

Вот и все.

Несколько секунд – и столько прерванных судеб.

– Что-то не вяжется. Не могут элитные бойцы, о которых затирал Калинин, так запростодохнуть. Да, конечно, они потеряли своего командира, да, они напали дезориентированно. Но, блин, твою мать, а...

«А что, если это обычные искатели? Просто расходный материал? А настоящая боевая мощь – там, в Припяти? – Коннору вдруг вспомнились слова Тумана о том, что в рядах „Изоляционных сил“ состоит множество завербованных сталкеров. – Если так, то сталкеры, особенно без военного прошлого, довольно хреновые бойцы, если уж быть честным».

– Мужики, делаем так. – Коннор прошел мимо трупов. – Вы двигаетесь дальше, действуете по своему усмотрению. Настройтесь на наш канал, предупредите наших ребят о том, что вы пришли помочь. Мало ли что. – Он оценивающе посмотрел на мертвецов. – Только особо не рискуйте! – Прошелся, выбирая того, чей экзоскелет сохранил самый пристойный вид. – А вот мне, мужики, придется рискнуть. – Сорвал с одного жмура шлем. – Этот уцелел. Осталось подобрать костюмчик по размеру.

– Ты что, спятил? – вырвалось у Чехова.

– Есть немного. Что с другими бойцами? – Никита перевел тему. – Вы же к нам не одни завалились?

– Давай, Коннор, зайдём внутрь. Там обсудим, нечего здесь торчать, слишком опасно. – Они вошли в полутемное помещение, свет в котором давали лишь налобные фонари трупов, что сейчас смотрели в потолок. – Мои ребята на подходе, – кивнул Чехов. – Скоро будут здесь. Они свяжутся с нами. Но ты не юли. Я еще раз спрошу. Ты, блин, рехнулся?

– У меня есть идея, как достать гранатометчика. Пока ничего другого в голову не лезет. Они захватили ангар, входы-выходы под наблюдением. Здесь мы зашли легко, потому что эти дебилы не подумали, что кто-то может расхреначить их с тыла. Гранатометчик на позиции, на крыше. Если засекут – от группы не останется и мокрого места. Я постараюсь пройти в открытую. Напялю на себя эти клоунские шмотки. Авось прокатит. Потом завалю хрена с эрпэгэ да перещелкаю всех его дружков. А на закуску – эти два бэтээра. Если хватит снарядов, конечно.

– Ты точно рехнулся.

– Весь мир рехнулся. И уже очень и очень давно. Неужели ты так этого и не заметил?

– Я могу отправить с тобой несколько своих ребят. Для подстраховки. Найдем еще парочку костюмов. И так у тебя будет больше шансов, Коннор.

– Нет. Не больше. Тут либо спалят, либо не спалят. Спалят – утяну за собой твоих парней. Оно мне надо? Да и вы полезнее здесь, на поле боя. Понимаешь, из-за меня и так уже погибло слишком много людей. И большая группа привлечет лишнее внимание. Смотри, они скопом лишь защищают или отбивают какие-то ключевые точки. А так бегают сами по себе, дебилы. Здесь хорошая позиция, Чехов. От их глаз нас скрывают стены, как и от глаз наших ребят. Так вот. К чему я? Я бы что-то заподозрил, если бы к моей позиции перлись несколько бойцов в коцаных экзоскелетах. Одного волка, отбившегося от стаи, заметить труднее. Понимаешь? – Никита ухмыльнулся. – Хотите честно? Я не доверяю никому, кроме себя. В мире нельзя ни на кого рассчитывать. В конце концов, умираем-то мы все в одиночестве.

Ударовцы с подозрением и опаской уставились на Коннора, но тот уже выходил на улицу.

– Арсенал полностью в вашем распоряжении, – бросил он через плечо. – Вы это, берите, что хотите. Вооружайтесь, разрешаю.

И потопал дальше.

* * *

Пресловутый шлем не спасал от звука непрекращающихся, бьющих по барабанным перепонкам пулеметных очередей. Никита скрипнул зубами и опустил раскаленный ствол, от которого вился дымок.

– Никому нельзя верить. Даже тому, кто прикидывается твоим другом, – ухмыльнулся он, сняв шлем и плюнув в сторону десятка продырявленных трупов. – Но, блин, нет, еще ничего не кончено. Почти все, но не все. – Смешок. – Остался последний штрих. – Он откинул ставший бесполезным «Печенег» в сторону.

Подобрав с одного из трупов простецкий «макаров» и пробубнив что-то под нос, он взялся за перекладину пожарной лестницы. Перчатки сразу же испачкались в ржавчине. Никита поднимался долго, мешал жутко неудобный – с непривычки – и тяжелый – тоже с непривычки – экзоскелет.

Выбравшись на крышу, Коннор огляделся.

– Что там случилось? – с ужасом спросил гранатометчик. – Я слышал выстрелы. Черт возьми, кто ты такой вообще?!

Гранатометчик не успел выдернуть пистолет из кобуры. Никита, несмотря на то что еще не привык к костюму, оказался быстрее. Он набросился на врага и, закричав, по рукоятке вонзил в его горло лезвие боевого ножа.

– Ты не заслуживаешь этого. – Коннор поднялся. – Но я подарю тебе избавление. – Окуляры шлема разбило выстрелом. – На кой черт вы сражаетесь? Ради кого и ради чего?

Он скинул с себя боевой костюм. Маскировка больше не нужна. Из рюкзака вытянул то, в чем был до переоблачения в экзоскелет. В своем привычном одеянии, потрепанном плаще темно-зеленого цвета, Никита взялся за гранатомет. Перед своей смертью исовец успел зарядить последний кумулятивный выстрел.

Больше снарядов не было.

– И то хлеб. Что ж. Минусанем хотя бы один.

Труба легла на плечо.

– Ну что, родненький ты мой? Давай поработаем. Ух, ни фига, – присвистнул Никита, когда увидел, как один из бронетранспортеров объяло пламенем. – Значит, одного заряда точно хватит. Неплохо, ребята, неплохо. Say «hello» to my little friend!³ – И, как и множество раз до этого, положил палец на спуск.

Кумулятивный выстрел ударил в броню.

Людей, прикрывающихся корпусом БТРа, разбросало по сторонам. Боевая машина, подорвавшись, остановилась.

Коннор опустил гранатомет и сбросил с плеча «Винторез».

– У меня больше нет зарядов для «граника»⁴, зато есть полный котелок патронов. А я всегда довожу начатое до конца.

Те, что попытались бежать, остались лежать с дырками в черепе у дымящегося бронетранспортера.

– Миссия выполнена.

Защелкнул еще один магазин.

– Тебе, ублюдок, спасибо, кстати. – Никита отошел в центр крыши, где его не мог никто достать. – За все. – И присел рядом с зарезанным врагом. – Не забуду, как ты мне подсобил. –

³ Скажи «привет» моему маленькому другу (англ.).

⁴ Гранатомет на сленге.

Он подкурил. – Жаль, что у тебя лишь один снаряд остался. Так-с, ладно. Сейчас надо перекурить быстренько, передохнуть маленько да завалить твоих братанов оставшихся.

Докуривал он с превеликим удовольствием.

* * *

Андрей прыгнул за раскуроченный кузов «Газели». Быстро сменив магазин в «калашникове», Андрей уже в который раз вскинул ставший ему таким ненавистным автомат.

От столовой, что после атаки боевой машины превратилась в нагромождение бетонных плит, ретировались трое парней в экзоскелетах. Андрей прицелился и, задержав дыхание, выпустил длинную очередь. Каждая пуля нашла свою цель. Около анархиста вздыбился грунт, мелкой крошкой посеколо кожу. Андрей нырнул под днище грузовика, выронив автомат.

Крупный калибр продолжал вспахивать грязь. БТР остановился неподалеку от мужчины, вжимающегося в траву. Анархист знал, что пулеметчик заметил его. Сейчас он опустит оружие чуть ниже – и хлипкое укрытие, хлипкий остов «газельки», превратится в дуршлаг.

И он останется вечно лежать здесь.

Зачем только велел Рахману бежать к командному пункту? Его помощь бы сейчас оказалась весьма кстати...

Андрея заслепило. Голова загудела, окружающий мир потерял свои краски. Сталкер смотрел на все, как в замедленной съемке.

Выбираясь из-под грузовика, он видел, как погибают люди, покидающие пылающий БТР. Видел, как их тела припечатывает к темно-зеленой броне, которая миглом окрашивается красной кровью. Видел, как люди бьются в конвульсиях. Видел их тщетные попытки избавиться от огня.

И слышал их крики...

– Эй-эй-эй! – издалека, как не из этого мира, крикнули Андрею.

Кто-то схватил его, потянул и закинул его руку себе на плечо.

* * *

Коннору понадобилось десять минут, чтобы добраться до «командного пункта» – именно так называли центральное здание на территории Армейских складов, где оборудовал свой кабинет Рахман.

Наемник заскочил в коридор, молниеносно выхватив дробовик и отправив двоих часовых на тот свет.

Из-за угла слышались крики, а за ними – вспышки светозумовых гранат. Перезаряжать дробовик – терять драгоценные секунды. На бегу выцепив из хватки мертвеца пистолет-пулемет, Никита несколькими очередями перечеркнул фигуры бойцов, что показались из-за угла.

Снова хлопки.

А следом – уже с улицы – огонь из подствольных гранатометов.

Коннор упал пластом, стены содрогнулись, на капюшон посыпалась штукатурка.

– Я понял, – прошипел он. – Я все, сука, понял. Вы, недоумки, рассчитываете на психологическую атаку. Но нет. Просто. Блин. Нет.

Весь путь от ангара до главного сооружения базы «Анархистов» наемник устлал трупами.

И был твердо намерен продолжать.

Спрятавшись в первой попавшейся комнате, Никита принялся ждать. Он выбросил бесполезный пистолет-пулемет и снял с плеча родную двустволку. Перезарядил. Вслушался. Забывавшие в здание исовцы выбивали двери. Одну за другой. Коннор в мыслях нарисовал кар-

тинку, считая удары и сопоставляя их с расположением дверей. Так, вот-вот один из этих придурков выбьет дверь той комнаты, где засел наемник. Но обломается, получив в упор заряд дробы.

Приготовившись, Никита положил на пол, прямо под руку, автомат. Больше из оружия у него ничего не осталось, не считая любимого «Винтореза», но в таких стесненных условиях для использования его излюбленного инструмента умерщвления слишком мало маневра.

Обузой тут «Винторез» будет.

Дверь сорвалась с петель.

Два оглушительных выстрела.

Дуплетом.

Человека в экзоскелете пошатнуло, но Никита уже отбросил ружье и, подхватив американскую штормовую винтовку «М4А1», зажал спуск. Автомат забился в руках, оглашая комнату грохотом. Бойцов позади самого смелого Коннор встретил короткой очередью. Затем, подбежав к дверному косяку, высунул ствол из-за угла и расстрелял остаток магазина.

Забрав у почившего пистолет и разгрузку, Никита рискнул выйти в коридор.

Там никого не осталось.

Больше никого.

* * *

Второй этаж командного пункта сотрясся от взрыва. Рахман, сумевший выжить и объединиться со своими людьми, потер ушибленную макушку и поднялся с холодного, испещренного трещинами пола. Нога ныла, напоминая о недавнем падении с вышки. Он, сильно рискуя, подошел к окну, опираясь на свой проверенный временем и никогда не подводивший его автомат, как на костыль.

– Они обстреляли здание из подствольников. Кто-то забежал, из наших. Наемник тот, похоже. В открытую попер.

– Держим лестницу, – приказал Рахман. – До последнего патрона. Если не вывезем...

– То всем конец, – согласился боец.

Не только Рахмана сбило с ног взрывом – некоторые анархисты тоже попадали на пол. Кого-то даже припечатало к стенке, и сейчас боевик жаловался на боль.

С первого этажа донесся оглушительный грохот – как из дробовика пальнули.

Вслед за грохотом последовали автоматные очереди.

И все стихло.

– Что за хрень там творится?

– Кто-то выжил-таки. Там, внизу. Наш? Мы потеряли первый этаж еще двадцать минут назад. Они точно зачистили его.

– Значит, так. Вы, ребята, вдесьтером держите подходы к зданию. В окнах особо не светитесь, не подставляйтесь для снайперов. А мы втроем будем держать лестницу.

Заголосил пулемет.

Анархист яростно жал на гашетку, паля по укрытиям исовцев.

А Рахман застыл в ожидании.

Сюда поднимались.

– Кто идет?! Отзовись – или стреляю!

– Я это! Коннор! – Рахман узнал голос Никиты – немногословного наемника, что помог вскрыть ложь Малинина и положить конец вражде «Удара» и «Анархистов». – А чего на первом вас не было? Чего мне всю грязную работу делать?!

– Ты пошуткуй там еще!

– Хоть не стреляйте, а?! Вроде как я теперь с вами.

- С тобой больше никого?
- Не, никого. Я всех порешал. Сейчас покажусь.

* * *

Андрей споткнулся, но Огонек, схватив его за локоть, не позволил напарнику упасть.

- Благодарю, – сорвалось с губ Рэя. – Уже в который раз.
- Все еще не можешь забыть, как я прикрыл твою задницу во время нашей обороны от «Удара»? – Огонек ухмыльнулся. – За мной! – Они вместе забежали в укрытие. – И не забывай, к слову. Помни крутых парней. И то, что эти крутые парни для тебя сделали, Андрейка.
- Если ты сейчас же не заткнешься, презренный поджигатель, я тебя сам пристрелю.
- О! Узнаю прежнего Андрейку, мудака неблагодарного!
- Спасибо.
- Та не за что. А дальше-то что делать будем?
- Их уже совсем немного осталось. Думаю, наши пойдут к командному пункту. Там и скооперируемся, а потом направимся в ангар, где разобьемся на группки и начнем методично расчищать те точки, где еще дрочатся остатки исовцев. Это в идеале, а в реальности – хрен его знает, по ситуации разбираться будем.
- Тогда чего мы тут сиськи проветриваем? Погнали!
- Погнали. Чего не погнать-то?

Андрея проняло, когда поджигатель хлопнул его по плечу.

Кто все же ближе?

Старый друг?

Или верный брат по оружию?

Ведь это Огонек увел его из-под обстрела. Это он вытащил его из-под «газельки». Это он подоспел на выручку, когда рядом раздался снайперский выстрел. И это он не позволил ему сейчас упасть. Он, а не Рахман, который только и ждал благословления друга, чтобы кинуть его в одиночестве.

Глава 6

Гарь, застывшая на губах

Скай вернулась на поляну.

– Чего грустит? – сказала она. – Связь появилась. Попробую связаться с нашими. Только Марго куда-то юркнула. Надо ее поискать. А так – мы почти у цели. Смотри!

Михаил посмотрел туда, куда показывала пальцем Скай. Городские высоты виднелись над кромками деревьев.

– Я знаю. Но я не понимаю, что делать дальше.

– Как это? Найти Марго и идти вперед. Только вперед. – Девушка поправила рюкзак. – Пойдем, чего сидишь?

– Вряд ли желания двоих смогут исполниться. В конце концов, просить должен только один. Тогда у этого будет какой-никакой, а вес.

– Миша, о чем ты?

– Скай, ты хороший человек. Наверное, лучший из всех, кого я тут встречал. То, что будет дальше, не со зла. Прости меня, если сможешь.

Девушка вскрикнула и, схватившись за простреленное бедро, упала на землю. Зашипев от боли, она постаралась встать, но Михаил отправил ее в темноту ударом ноги в подбородок.

* * *

Скай шевельнулась – и мгновенно замерла. Окаменела, словно статуя. Ощутила кожей, обожженной радиацией, слабое покалывание. Осмотрелась – вокруг мерцало. Марево, чтоб его. В висках пульсировало, отдавало чертовой барабанной дробью. Бах-бах-бах – не прекращалось ни на секунду.

Девушка огляделась – мигало и трещало повсюду. Аномалии сомкнулись вокруг нее кольцом, словно у висельника петлей на шее затянулись.

И никакого выхода видно не было.

Прикрыла глаза, чтобы не выело ярким солнечным светом. Воспоминания возвращались долго и обрывочно. Вот Скай вскакивает с бревнышка у костра, вот поправляет рюкзак, собираясь продолжить путешествие, и тут – как отрезало, как кадр на пленке засветило – и никак его уже не восстановишь. Еще вспомнился удар, подлый такой удар, откуда не ждали, как говорят. А ведь она верила своему попутчику. Впервые за долгое время она кому-то поверила. И оказалась обманутой, кинутой истекать кровью на чертовой лесной поляне.

Скай сжала зубы от бессилия. Так глупо и бесславно. Ни за что же подохнет. Идиотка. Доверилась, дура. А ведь Лис еще в их первую встречу, когда они завтракали у костра в Зимовище, учил, что никому и никогда нельзя доверять, даже ему. И поучительно же, что за полчаса до встречи с главарем деревни Скай лично убедилась, что этот тезис вернее некуда.

В тот день Лис спас ее от насильников.

Мысли сменились. А где Марго? Скай совсем забыла о своем зверьке! О многом забываешь, когда вынуждена в спешке покидать жилище человека, убитого твоим компаньоном.

Но вдруг, неожиданно для самой себя, она облегченно выдохнула. Наверное, оно и к лучшему, что крыска осталась в храме. Марго не погибнет тут, вместе с ней. Марго найдет себе новую подругу, умную и рассудительную, а не наивную дурочку, что преисполняется доверием к мерзавцу, стоит тому лишь раз пригласить ее на неуклюжий танец.

И как это аномалии сомкнулись в кольцо? Такое могло произойти только в «Зарядку». Пока валялась без сознания – «Зарядкой» и накрыло? И как ей не выжгло всю нервную

систему? Как не оплавило мозг? Или выжгло? Или оплавило? А все, что происходит сейчас, предсмертная галлюцинация?

Тишина. Такая наступает после «Зарядки». Гнетущая, давящая. И в этой тишине едва улавливается какое-то копошение левее. Скай повернула голову. Там, к границам аномалий, словно услышав ее, бежала верная подруга Марго, смешно переставляя лапки.

Так странно, что в этом мире самое близкое тебе существо – крыса. Существо, которое так ненавистно людям за Кордоном. Но только с крысенком Скай и сошлась. Люди часто оказывались лживыми гнидами, а крысы вот... Крысы честнее, что ли. Искреннее.

Девушка ужаснулась. Марго стремительно приближалась к точкам активации аномалий. И даже не думала останавливаться.

– Нет! – вырвалось у Скай. – Уходи! Убирайся! – Она махнула рукой и чуть сама не зацепила смертельную ловушку.

Как это она? Марго всегда чувствовала опасность, за что Скай периодически называла ее Чуйкой. Она всегда огибала подянки Зоны, помогала искательнице ориентироваться, кусала ее, когда та, по легкомыслию, подходила слишком близко к аномалиям. А сейчас? Куда делось ее шестое чувство?

Анархистка поняла. Накрыло, как волной. После того, как органика попадает в «пресс», аномалии необходима небольшая «перезагрузка». Сразу после схлопывания открывается безопасный проход секунд на десять. Лис рассказывал, как бандиты таким образом губили новичков, прокладывая себе путь к дорогим артефактам.

– Не смей!

Скай бы поклялась, что Марго умеет мыслить, что она умница, мать ее, разумница. Да, эта крыса была умнее многих сталкеров, что состояли в ее группировке. И Марго осознанно шла на жертву. Ради нее.

– Зачем ты?! – выкрикнула Скай. – Зачем?! Не надо! Живи! – Слова застряли в горле.

И она больше ничего не смогла выдать.

Дернулась.

Аномалия стрельнула, ожгла лицо.

Брызнуло красной смертью.

Совсем рядом.

Марго даже пискнуть не успела.

* * *

Михаил выстрелил ей в ногу, даже дырка в штанах от пули никуда не делась, да запекшаяся кровь на ткани. А вот рана затянулась, рубец один остался.

Такого ведь просто не бывает!

Чуть поодаль нашла свой коммуникатор, сгоревший весь, микросхемами вывернутый наружу, как мертвец кишками.

Она помнила тропу к базе, но за день с окраин Припяти не вернешься. Идти в город пустой, да еще и после ранения, – не лучшая идея. Придется возвращаться к базе, а к вечеру подыскать место для ночлега. Но это потом.

Километра два шла молча.

Устала.

До храма Могильщика было рукой подать. Вон, по железке, да не сворачивая с нее. Но возвращаться в цитадель мертвого психопата ей почему-то совершенно не хотелось. И уж тем более ей не хотелось смотреть на труп настоятеля храма.

Кстати, интересно, Михаил солгал ей? Может, Могильщик и не угрожал Рохле? Может, свихнувшийся сталкер пристрелил Могильщика просто так? Может, взглянул тот косо на него?

Кое-как развела костер. Ладони тряслись, колесико старой зажигалки Лиса не поддавалось. Раз-раз-раз – удалось-таки. Огонь занялся газетенкой, потянулся от нее к щепкам, облизывать их стал.

На дне вещмешка Лиса нашли сигареты. Интересная, красивая пачка. Логотип красный, довольно стильный. Скай ни разу не пробовала. Но вот решилась. Курят же зачем-то. Может, это дерьмо действительно помогает? Дым выбивает из башки все ненужные мысли, оставляя пустоту. Так ведь говорят? Скай неумело подпалила кончик и затянулась. Миг – закашлялась. Резануло по глотке наждачной бумагой. Ткнула в землю тлеющим концом почти целую сигарету, дальше второй затяжки не пошло. Это Лис курил, это он так с призраками прошлого боролся, а Скай обречена искать иной метод.

Лис.

Выступила слеза. Скай утерла ее. Как жаль, что девушки не было рядом в тот день, как жаль, что их пути разошлись уже очень давно, как жаль, что она так и не смогла попрощаться.

«– А что нам остается? – отдышавшись, Лис вернул пистолет в кобуру.

– Ты что, правда спрашиваешь?

– Мы в тупике. Сколько патронов осталось? Два магазина? У меня один! Считай, у нас нет оружия. Нет поддержки. А до базы еще далеко. Не хочу тебя зря обнадеживать, знаешь ли.

– А не надо меня обнадеживать! Не надо, слышишь?! – И она залепила старому другу смачную пощечину. – На меня смотри! На меня, хлюпик! Я бороться буду! Так или иначе! Я зубами в эту землю вгрызусь, но выживу! Потому что мне не предназначено сдохнуть в этой брошенной деревеньке! И тебе! Ты еще жить будешь! Ты еще людей защищать будешь! Так легко не отделаешься! Слышишь меня?! Нечего мне тут! Ты мужик?! Или кто?!

– Бороться? Ха-ха. Я столько времени борюсь, Скай. Столько лет уже. Извини за такое настроение. И не трогай меня больше. Я ведь и ответить могу. Даже машинально. Я все чаще ловлю себя на мысли... – Секундное молчание. – А на кой хрен я борюсь-то? Ради чего? Глупое упрямство. Нежелание мириться с неизбежностью.

– Упрямство? Нет, это дебилизм, если ты так и не понял.

– Ну, объясни.

– Тебе напомнить, где мы? Мы в Зоне. Мы в смертельно опасной Зоне! Там, где нам много раз приходилось ходить по самому краю. Там, где у нас было мало шансов дожить до сегодняшнего дня. И все-таки, несмотря ни на что, мы сражались. За жизнь. За то невероятное ощущение, когда ветер треплет твои волосы. За минуты, что мы можем провести вместе. Так что не смей опускать руки! Тебя там, за Кордоном, жена ждет! Ты же ради нее здесь! Ты сам говорил, чтобы она ни в чем себе не отказывала. У тебя отец еще есть! А еще мать... Но ты сам винишь себя! Говоришь, что она умерла из-за тебя! Но разве, спустя столько лет, это имеет значение? Живи! Живи, придурок! Ради отца своего живи! Ради жены! Живи!»

Боже, какой она была душой! Или не она? То ведь другие люди были, на той крыше, когда прятались от преследовавшего их патруля ренегатов. Что Лис, вечно улыбающийся, шутящий вечно, вечно поддерживающий всех во всем, теряясь лишь иногда... Что Скай, молодая, наивная и храбрая. Она тогда бороться хотела, она энергию излучала, костями готова была лечь. За справедливость, за лучшую жизнь для других. Как оно обернулось-то? Одного удара судьбы хватило, чтобы обуглиться, чтобы вся энергия вмиг испарилась.

Теперь все выглядело таким бессмысленным. Ее поход в Зону, схватки с бандитами и с «Ударом». Аномалии для нее – больше не смертельные ловушки, рядом с которыми захватывает дух. Нет, всего лишь пустые, пыльные, ненужные картонные декорации. Декорации,

функция которых – напоминать о том, что человек смертен. Вот так вот. Внезапно и глупо смертен. Хотя чего там аномалии? Скольких ее товарищей сгубила Зона? Единицы. А скольких сгубили другие люди? Разумные существа, а не бездушные сгустки неведомой силы. Многих. Если не всех. Коммуникатор-то сдох, с базой не свяжешься, не узнаешь, как оно там. Когда шлялась с напарником – думать было некогда. В одиночестве думалось лучше. Скай понимала, что бросила своих, что, возможно, оставила их на смерть. Бежала, как последняя трусиха, поджав хвост.

Она хотела успеть в Припять, чтобы загадать свое желание.

Она не имела морального права умереть.

Она думала, что от ее похода будет зависеть будущее всего человечества.

А вот вдруг желание стало ничем, пустышкой. И так легко, оказывается, отказаться от него, от желания этого, от мечты, от стремления, от сокровенной цели. Мечту можно бычками закидать и залить алкоголем. Как могила получается. Надежно закрывает, саркофаг хренов.

Погрелась и перекусила, прожевала тушенку, безвкусную, резиновую. Суррогат жратвы. Как и все в Зоне – суррогат. Раньше Скай думала, что здесь она, жизнь, на острие. Когда ты лицом к лицу со смертью, когда смотришь в ее бездонные глазницы. Тогда и дышится иначе же. А в Зоне нет жизни. Просто пародия. Жестокая, извращенная пародия.

Захотелось домой. Пускай там – никого. Пускай там – серость, унылость. Пускай. Но там шанс. Тот самый, что она не могла разглядеть тогда. Тот самый, от которого в эту самую Зону и убежала, надеясь найти его здесь. Шанс уехать – за границу, к морю, уйти в горы, встретить любовь. Да что угодно там можно, за колючей проволокой. А здесь? В Зоне? Срубить несколько миллионов вечнозеленых? И с ними что? На тот свет забрать, когда ошметки по окрестностям раскидает? Хоть Скай и не верила ни в рай, ни в ад, но почему-то вспомнилась старая хохма о том, что уж в раю-то точно денег не берут.

Поднялась, швырнула банку в огонь. Костер закидывать землей не стала. Пусть горит, пусть перекинется на сухие ветки, пусть вся Зона выгорит, пусть станет выжженным пятном на теле планеты, но сгинет.

Пусть эта сука сгинет.

Днем ранее в той самой комнате она мечтала загадать, чтобы ее отец в ту ночь не пошел на станцию. А еще – чтобы мама не умирала, чтобы была рядом, чтобы испарилось то детство в интернате, чтобы у нее все как у нормальных людей стало, у которых Зона ничего не отняла, у которых и Зоны-то никакой в биографии вписано не было. А Зона клеймит. Так просто ее из себя не вытравишь. С ней по-другому бороться надо. Ее, суку, извести, под корень ее, как сорняк, вырвать, перекопать всю.

Со злости сплюнула.

Храм Могильщика высился, лез к серому небу, куполами царапал его.

– Нет. Не вернусь. Не туда. Не сейчас.

* * *

Всю дорогу Скай шла молча, размышляла только.

Долго шла, вымоталась.

Под вечер добралась до небольшого села, затерянного среди леса.

Кто тут жил?

Неясно. Домиков семь насчитаешь из тех, что стоят еще.

И домика три, от которых один фундамент остался.

Что-то заревело – далеко или нет – не разберешь. Скай прижалась к стене бревенчатой хаты, слилась с ней, потянулась за оружием.

Вечерние сумерки спустя несколько минут разрезал яркий свет автомобильных фар. Мимо проехал старенький темно-зеленый российский внедорожник. Остановился у дома, за которым девушка и пряталась. Зажглись задние ходовые огни.

«Заметили, что ли?»

Скай, улучив момент, поспешила скрыться в покосившемся сарайчике.

В крайнем случае – даст бой.

Но лучше не доводить до крайностей.

Обошлось. Экипаж просто объезжал аномалию.

Выдохнув, Скай поправила рюкзак и вышла на песчанку.

Пейзаж – унылый и грустный, как и вся Зона. Даже не скажешь, что раньше тут жили люди. Но сейчас – никого больше, всех сгубила катастрофа восемьдесят шестого. И кто после позарился на покой мертвецов – тут же лежал. Вон, на вросшем в грунт кузове «шестерки» – пулевые отверстия и багровые корки, а у боковой двери – кости.

Скай помнила, откуда они тут, несмотря на то что не признала деревушку с первого взгляда. Несколько месяцев назад, когда шла ожесточенная война между группировками, бойцы «Удара» организовали в деревне временный лагерь. «Анархисты», узнав о таком положении вещей, зачистили врагов. Всех положили, выскоблили их, как грязь из-под ногтей выскабливают. А как иначе? Эта точка – самая ближайшая к базе будет. Дали бы «Удару» тут разгуляться – и, возможно, Скай и другие давно бы валялись по канавам с простреленными головами.

Нередко попадались кресты. Простецкие, сколоченные из двух досок. Вспомнился дворик за церковью Могильщика, как вспомнилось и странное хобби настоятеля. И вспомнились старые сталкерские байки о мужике в капюшоне, что хоронил погибших искателей и возводил подобные надгробья. Ему даже прозвище дали – Хранитель душ. Пафосно и вычурно, не в пример банальному «Могильщику». Сталкерам нравится. Пафос и вычурность в их жестокий быт вносят хоть какую-то поэтичность, хоть какой-то смысл.

Выходит, Скай встретилась с персонажем легенды?

Да, Зона, ты умеешь удивлять.

«А что за джип все-таки? – спросила у самой себя. – Не наш же. И не „Удара“ вроде. Откуда тут? Кто?»

Все, вымоталась.

Поспать бы.

Забралась в последний дом, особо не таясь. Знала, что там никого нет. Трупы убитых ударовцев давно сгнили, а их останки растаскали дикие псы.

Так и есть, никого.

Внутри – разруха.

И сыростью пахнет.

Да и было бы, блин, о чем сокрушаться.

Улеглась прямо по центру комнаты, пристроила вещмешок, как подушку. И мгновенно провалилась в сон. Не заморачивалась о личной безопасности, не навязывала банок на проволоку, не обвешивала «погремушками» все вокруг.

Плывать ей было.

Пускай и сожрет какой дикий зверь.

Пускай мародер пристрелит.

Или те, из джипа.

Только, пожалуйста, чтобы без мучений.

Чтобы раз – и нет ее.

Так и провалилась в черноту...

...и снился ее первый день на Территории Проклятых...

Давно не тревожили ее подобные сны, а этой ночью, в свете недавних событий, вернулись. Во сне она пересекла Периметр, сунулась к автомастерской, а не напрямую к Зимовищу. Не знала тогда еще, как все устроено. Не было у нее проводника, который показал бы, куда следует идти. Сама в Зону полезла, идиотка. И, как ни странно, в автомастерской наткнулась на бандитов. Там, на подходах к мастерской даже. Хибарка была небольшая, в каких егеря живут. Ее еще Лис потом спалил, стоило Скай пожаловаться на ночные кошмары. В этой хибарке она и решила передохнуть, изучить карту и распланировать свой дальнейший маршрут.

Не повезло, что туда захотели заглянуть и бандиты.

* * *

Послышался близкий разговор.

Анна, так ее тогда звали, свернула карту и задержала дыхание.

– Не понравится это Алексу. Ой, мля, как не понравится, – говорил один человек, еще невидимый для прячущейся в тени девушки.

– Да и хрен с ним. Заманал он меня. По калгану бы ему, суке.

– Ты базар фильтуй.

– Да-да. Не мороси, догоним мы бегунка. Куда он уйдет? – Другой, более хриплый голос. – Жду, как лопаты ему отрежу на хрен. Медленно так, ноготочки еще повыдергиваю.

– Да ты садист.

– Ты думаешь, что рот свой на замке держать надо иногда?

– Голова, чтобы думать, а ноги, чтобы ходить, debil.

– Ой, да пошел ты. Если бы не Алекс, я бы давно тебе башку отрезал. А, хрен с тобой. Давай в хибарку завалимся, у меня нычка там.

– Что Алекс о себе думает, кстати? С мастерской пора лыжи делать. Это место себя давно исчерпало.

– Да, там менжеваться не хочется. А что он думает... Я что, твою мать, прорицатель, чтобы базарить за то, о чем он думает?

Скрипнуло, отворилась дверь. А спрятаться-то негде. Аня передернула затвор пистолета.

– Назад! – крикнула она.

– Оп-па, обосрался прям. Смотри, Кислый, джек-пот.

– Уходите! – Анна безрезультатно пыталась унять дрожь. – Я не хочу убивать вас.

– Слышал, Кислый? Валишь она нас собралась! Тише, девочка. – Лысый мужик улынулся, сверкнув золотым зубом. – Ты это, опусти-опусти...

Искательница не смогла выстрелить.

Не умела еще.

– Проваливайте к черту!

Незнакомец, метнувшись к молодой девчонке, легко обезоружил ее.

– И что? – Удар в живот. – Сука тупорылая! – Схватил за волосы – она тогда еще коротко не стриглась, Лис не объяснил еще, что длинные волосы – прямой путь на тот свет. – На пол, соска! – И приложил лицом о стену.

Девушка вскрикнула, глаза начала заливать кровь.

– Лежать! Сказал, лежать! – Два удара.

Она обмякла. Бандит пригвоздил ее к полу, навалившись сверху.

– Отцепитесь... – прошипела жертва.

– Да ладно, че ты? Вам же, бабам, шлюхам конченным, так нравится, когда суют. Какая разница кто? Я или еще кто-нибудь? Расслабься и получай удовольствие!

Аня попыталась дотянуться до ножен, но бандит, заметив ее движение, ударил девушку по руке. Она застонала, в глазах потемнело.

– Ща ее тут попользуем, а потом пацанам босяцкий подгон сделаем. Хрен ли, всем достанется.

За спинами насильников мелькнул чей-то силуэт, но Аня подумала, что ей почудилось.

– Ты че, у нас же там ватага целая. Окочурится ведь.

– А тебе не насрать ли? Все равно в Зоне сдохнет. Не припереть к нашим – западло. Алексу первому ее отдадим, а то чего это он все Илье вставляет?! – И заржал.

– Ну, Илье поделом. Петух он, тем более, еще раньше жил в Зимовище. Пусть теперь страдает. А про нее – ты прав, западло. Ладно, давай я после тебя ее... – И забулькал. Забавно так, как рыба, захватал ртом воздух.

– Какого?!

– Встань, быдло! – Из-за рухнувшего на пол подельника Кислого шагнул высокий рыжебородый сталкер. – А не охренел ли ты, Кислый, беспределить на моей территории? Мы о чем добазаривались?!

Рыжебородый направил на Кислого пистолет.

– Лис? Ты, сука...

– Я плачú – вы дальше станции не лезете. Правильно?! Мы так добазарились? Правильно?! – И выстрелил.

Кислый завопил, хватаясь за простреленное плечо.

– Отошел от нее! Живо! – Второй выстрел, целенаправленно в оконную раму. – Вы дальше не лезете! Правильно, я спрашиваю?!

– Пра... пра... правильно... – Кислый, все держась за плечо, отошел к камину. – Сук... – Попытался опереться о камин, но упал.

– Твои из мастерской, может, и слышали выстрелы, но сюда не сунутся, не переживай. Никто тебя не спасет. Вы еще и подмять нас хотели. Вообще попутали. Валерьевич и его деньги вас не удержат, но когда-нибудь вы можете вывести меня. Поверь, я срать хотел на эти бабки. Но это наши терки, да? А девчонку-то за что? Молодая же совсем.

– Сам же и хочешь ее отодрать, лицемер гребаный.

– Знаешь, она молодая и симпатичная, а в Зоне с бабами полный аврал. Но я не собираюсь ее трахнуть. Прикинь? Хотя чего я перед тобой распинаюсь? Наши различия, свин ты тупорылый, хотя бы в том, что я не животное.

Он подошел к корчащемуся Кислому, поставил ногу тому на грудь.

– Ты не животное... Ты труп... Да Алекс за меня... А-аааа!

– Иди на хрен. И Алекс твой пусть туда же идет.

Молниеносное движение руки. Громкий хлопок. Во лбу Кислого образовалась аккуратная дырочка, откуда тонкой струйкой потекло алое.

Аня забилась в рыданиях и поползла к стенке, прячась от убийцы.

Убийцы, спасшего ее.

– Красота! – Лис покачал головой. – С моей меткостью мне надо в олимпийскую сборную по стрельбе. Зарыл свой талант в землю.

– Я... я... я... – начала спасенная девушка.

И сразу же заткнулась.

Лис подошел к ней вплотную, все еще держа палец на спусковом крючке.

– А ведь и впрямь красивая. Что правда, то правда. И глаза твои... Никогда не видел таких голубых глаз! Как чистое небо. – Лис, улыбнувшись, спрятал оружие в кобуру. – Вставай, нам нужно убираться, пока не появились его подружки.

– Оставь... оставь меня... пожалуйста... оставь...

– Ой! Бабы. Все вы одинаковые. Мы ради вас – на все, а вы в ответ забиваетесь в угол и просите оставить вас. У тебя нет оснований мне верить, понимаю, но готов поклясться, что я не из таких ублюдков, как этот чертов гондон. У нас тут лагерь недалеко, я в нем главный.

Пойдем со мной, а? Там хорошие люди, тебя не тронут. Ну, а если кто разочарует меня... – Лис кивнул в сторону мертвого Кислого.

– Ты... ты же убил его! И просишь меня...

– Девочка, а тут иначе никак. На что ты надеялась? Что такая красотка не привлечет обозленных мудаков? Вставай, говорю, забьют ведь. Или того похуже. Звать-то тебя как?

– Аня.

– Не, не годится. Тебе надо обзавестись кличкой. Тут так принято – давать новичкам клички в зависимости от ассоциаций и их поступков. Поступков я твоих, положим, еще не наблюдал, а что наблюдал – не слишком-то оптимистичные ассоциации вызывает. Но вот цвет твоих глаз... Слушай, а ведь не такой плохой вариант. Как тебе, а, Скай?

Из-за угла показалась крысиная мордочка. Животное выбежало в центр комнатки, принюхалось, покосилось на Лиса, но посеменило не к нему, а к захлебывающейся в слезах Скай.

Крыска бесцеремонно залезла к девушке в рукав, а та и не сопротивлялась.

Так они с Марго и встретились.

* * *

Скай проснулась в холодном поту и со слезами на глазах. Живая. Никому она не нужна. Никто не нарушил ее беспокойный сон. Оно и понятно, пока ты жив – тебя все вокруг сломать пытаются, уничтожить тебя морально, а вот когда ты мертв изнутри – до тебя и дела-то никому нет.

– Маргоша, Маргоша... Не стоило, девочка моя.

Утерла слезы, размазав грязь.

Глянула на часы – ахнула. Время – чуть ли не предрассветное. Больше отсиживаться нельзя, следовало как можно скорее выдвигаться.

Дорога казалось извилистой лентой, приходилось петлять. Еще и аномалии. Детектор в коммуникаторе сгорел, как и сам коммуникатор, так что ловушки приходилось вычислять старым добрым «дедовским» способом – гильзами.

На местности ориентироваться довольно легко, тем более что несколько ходок здесь было, в составе разных отрядов, из которых многих ребят уже нет в живых.

Над скрюченными, уродливыми, без единого листочка деревьями поднимался дым. Скай притормозила, вооружилась, пошла настороженнее.

Хотя ноги уже подкашивались.

Дым поднимался оттуда, где, по ее расчетам, и должны находиться Армейские склады.

– Ты не можешь! – самопроизвольно выкрикнула она в хмурое небо Зоны. – Ты не можешь, сука! Не можешь отнять у меня еще и мой дом!

* * *

Автоматная очередь прострекотала у самых ног, набросав черту-границу, за которую нельзя соваться. Зажглись, ослепляя, налобные фонари. Пять или шесть лучей – не сосчитать, они в один большой луч слились.

– Стоять! – Властный, но до боли знакомый голос.

– Рахман?! Это я, Скай!

– Скай? Отставить! Опустите оружие! Боже, я уже и не думал, что увижу тебя живой!

Они обнялись.

– Как и я тебя. Что тут произошло? Что с базой?

– Глеб, – Рахман повернулся к одному из своих бойцов, – я отведу Скай на базу. Вы прочесывайте лес. Найдите тех, кто смог сбежать. И добейте.

– Что? Сбежать? – недоумевала Скай.

– По пути расскажу, пойдем. – Он взял ее за руку. – Я так переживал за тебя, ты даже не представляешь. Как от твоего КПК сигнал SOS пришел, так сразу наших собрал, чтоб за тобой, а тут «Зарядкой» шандарахнуло, пришлось шхериться по подвалам. Тогда уже и отчаялся, если честно. А потом вот эти...

– Кто?

– Они называют себя «Изоляционными силами». Торговец Малинин был кем-то вроде их лидера. Слышала о наемнике Конноре? Слышала же, точно.

– Да, это тот странный тип, что постоянно таскался с Лисом. Я была сильно удивлена, что он выжил. Он же присоединился к нам незадолго до того, как я ушла. – Скай пыталась говорить спокойно, идти ровным шагом, но в душе мечтала поскорее оказаться на территории базы.

– Ему удалось разоблачить торговца, и мы, объединившись с «Ударом», вынесли этого ублюдка...

– Объединившись с «Ударом»?! – Скай не поверила своим ушам.

– Да. Война плодит самые неожиданные союзы. Накануне «Изоляционные силы» пришли отомстить за то, что мы сделали с Малининым...

Скай открылся удручающий вид на Армейские склады. База лежала в руинах: заборы снесены, все охвачено огнем.

– Хвала всем богам, что ты жива, Скай. Но пока я не могу отпраздновать твое возвращение. Думаю, ты понимаешь почему. А что, кстати, с Мишей, попутчиком твоим?

– Тебя это волнует? Сейчас?!

– Он умер?

– Я расскажу... Но... Я должна...

И девушка, вырвавшись из хватки Рахмана, побежала с горки к базе...

...к своему единственному дому...

* * *

Скай выронила внезапно оказавшийся таким неподъемным автомат. Больше он ей не нужен. Даже защищать нечего. Базы не стало. И так на ладан дышащие сооружения сложились под градом пулеметных очередей и гранатометных выстрелов. Бытовки вспоролось свинцовыми пилами, арсенал сгорел дотла.

Заборы, надежно защищавшие анархистов от напастей Зоны, пали.

Уцелел лишь ангар. Но что с него толку-то?

Скай видела смерть.

Часто.

Смерть друзей и смерть врагов. Но так и не убила ни одного человека. В кого она стреляла в Зоне? В диких животных, когда у тех гон перед «Зарядкой»? Это же совсем другое. Да и не было там иного выбора. Либо стой за гашеткой – либо смотри, как эти безмозглые твари сносят ограждения. А тут-то... тут-то люди, существа разумные – и такая бойня...

Ради чего?!

Почему люди оказались тупее мутантов?

Угробить столько народа...

Из-за базы?

Из-за этих бетонных стен?

Из-за мести?

– Как же так? Это потому, что я сбежала с Мишей? Я должна была остаться с ними... Должна... – проговорила Скай.

...Кто-то слабо сцепил пальцы на лодыжке девушки. Скай машинально отдернулась, бросила мимолетный взгляд...

...Обгоревший, без единого клочка волос на голове и лице, запекшийся в собственной экипировке, словно в панировке, сталкер еле-еле тянул к Скай свою черную ладонь...

– По... до... ж... – Палец, с которого свисала горелая плоть, слегка приподнялся, указывая на валяющийся на бетонке охотничий нож. – По... м... о...

Девушка уловила запах, и ее едва не вывернуло. Ничего отвратительнее она в своей жизни не чувствовала.

– Бо... ль... но... – прохрипел мучающийся анархист.

Подавив рвотный позыв, Скай взялась за показавшуюся невероятно тяжелой рукоять.

– Мне так жаль, – совсем уж неуместно пробормотала она.

Приподняв голову боевого товарища, Скай поднесла лезвие к его затылку. Вздохнув и зажмурившись, она пронзила череп умирающего сталкера.

Вырвало, затрясло.

Скай без сил опустилась на холодную дорогу. Сидела так минут десять, все глотая слезы. На нее никто не смотрел. Все были слишком заняты поиском погибших друзей.

– Заболеешь, – потряс ее кто-то за плечо.

Никита.

Наемник, поглаживая обгоревший и обагрившийся бинт, сверлил ее своим неизменно безразличным взглядом. Или нет? Что-то поменялось! В глазах Коннора читалось сочувствие. Дальше случилось то, чего Скай никак не ожидала от этого нелюдимого мужчины. Он помог ей подняться и крепко обнял.

Скай обняла его в ответ.

Так и стояли. Вместе.

– Скоро все кончится, – подбодрил наемник. – Ты, главное, держись. Ладно?

Эти же слова Скай когда-то давно говорила Лису. Что он должен держаться. Что он должен быть храбрым и сильным, что бы ни произошло. Что он вернется к жене, что вернется к прежней жизни, что сможет начать с чистого листа, если сохранит в себе толику человечности. А он отпирался, говорил, что не уйдет, пока не отомстит за смерть друзей в Карьере. Потом Лис запялся, а еще позже и вовсе умер. Странно, что Лис умер. Неправильно, что он умер...

Ее затрясло еще сильнее, она всхлипывала и рыдала, рыдала и всхлипывала.

– Ну-ну, спокойнее...

– Ты... не... не отпускай меня...

Он и не отпустил.

А Скай все чувствовала гарь.

Гарь, застывшую на губах.

Глава 7

The Calm before...⁵

Анархисты толпились на первом этаже командного пункта.

Их осталось немного: человек сорок, если навскидку. Андрей даже остановился, чтобы пересчитать своих братьев. Тяжко стало, будто на плечи повесили стокилограммовый рюкзак. Тяжко от радости победы, которая тут же сменилась горечью последствий.

Кто-то утешал друга, кто-то подавал воду раненым, кто-то помогал с обработкой и перевязкой незначительных ран, а кто-то молча – или даже плача – стоял на коленях перед убитыми.

Еле сдерживая слезы, Андрей прошел мимо. Никто не должен был видеть его эмоций, никто не должен был знать, что он и сам подавлен. Тот, кто взвалил на себя ношу лидерства, должен оставаться лидером до самого конца.

Вне зависимости от обстоятельств...

...вне зависимости от того, что тот, с кем ты еще на прошлой неделе перекидывался в картишки и потягивал пиво, сегодня лежит перед тобой на полу с торчащей из живота арматурой...

Андрей всматривался в лица погибших. В лица друзей, боевых товарищей, знакомых и новичков. Его братья не по крови, но по оружию. Все те, кого они с Рахманом и Белым собрали под своими знаменами. Все те, кого они сковали единой целью.

«Если бы комната, исполняющая любые желания, была чем-то большим, нежели просто вымыслом, я бы попросил лишь об одном – о времени, – осознал Андрей, еле-еле переставляя ноги. – Чтобы у меня было больше мгновений, которые я бы мог провести с теми, кто сложил кости при бессмысленной обороне этой гребаной базы. Чтобы было больше шансов на посиделки в барах. Чтобы было больше возможностей для вечерних разговоров у костров, для фальшивого пения под три блатных аккорда, сыгранных на давно расстроенной гитаре. Или же, если это нереально – ведь мертвое должно оставаться мертвым, – попросить у Зоны погибнуть самому. Прямо там, на месте. Я был к этому готов, еще когда меня выволокли из газоновского кунга, когда швырнули к ногам Летова и когда Летов приставил к моей макушке пистолет. Вся моя жизнь – ироничный сценарист. Вся моя жизнь – трагедия, избавиться от которой, я думал, возможно здесь, на Территории Проклятых, где есть свобода, где есть истинный повод жить. А что в итоге? Все аналогично. Ничто не случилось так, как того желал я. Смысл жить на Большой земле я потерял уже очень давно. Смысл жить здесь я потерял сегодня. Черт, я же не боялся смерти, не боялся умереть! Может, даже хотел этого? Сталкер никогда не ищет гибели, но он всегда к ней готов. Уж тем более я бы не позволил Рахману умереть за меня. Не позволил бы. Никогда. Даже после того, что случилось когда-то давно. С Олей. И я бы никогда не позволил умереть Скай. И всем им. Парню, что плачет над телом павшего товарища. Тому новичку, что сторел заживо. Никому из тех, кто навечно уставился своими стеклянными глазами в серое небо Зоны».

Рахман опустил на колени возле трупа бойца по кличке Белый. Это был один из тех, с кем он и основал свою группировку. Один из тех, кто был Рахману настоящим другом.

Таким же, как и Андрей.

«Из основателей осталось двое, – пришла безразличная мысль. – Впрочем, группировки и так почти нет. Сколько мы протянем?»

Огромным усилием воли Андрей заставил себя идти дальше. Рахман обернулся, когда его заместитель проходил мимо.

⁵ Затишье перед... (англ.)

– Андрей... – едва слышно проговорил Рахман. – Там Скай. Она вернулась. Нашли, когда прочесывали лес...

– Это хорошо, – без эмоций отреагировал Андрей.

Больше ничего не сказал. Вроде бы хотелось приободрить друга. Хотелось сказать, что все будет хорошо. Хотелось порадоваться за то, что Скай выжила, что вернулась домой.

Но слова застряли в горле.

И он молча пошагал дальше.

* * *

На улице светало. Андрей постоял под козырьком, наслаждаясь чистым утренним воздухом и прохладой. Потянулся за пачкой сигарет, достал, взглянул в нее, с ненавистью смял и отшвырнул в сторону. Курить не хотелось, не сейчас.

«Браслеты» с него сняли – помог техник.

Он заметил Скай и Никиту. Они обнимались.

«Никогда бы не подумал, что ты, бессердечная сука, будешь успокаивать ревущую девчонку. – Андрей начал злиться. – Ты точно сука! – осенило анархиста. – Нам надо поговорить».

– Эй, Коннор! – проорал он, направляясь к парочке. – На пару слов, а?!

Наемник отстранился от девушки и двинулся к Андрею.

– Что такое?

– Андрей! – обрадовалась Скай.

– Не сейчас. Потом отдадим дань сантиментам. Давай-ка, братишка, отойдем. Не для лишних ушей.

Но Скай, хоть и прекрасно расслышала слова Рэя, задумала проследить за мужчинами и подслушать их разговор. Терзало ее какое-то нехорошее предчувствие. Никогда еще Андрей не обращался к ней так грубо, как сейчас.

Коннор и Рэй отошли достаточно далеко. Достаточно далеко от тех, кто мог бы помешать Андрею.

– Сюда, давай.

Они зашли в будку КПП.

– Так что там?..

Не успел Никита закончить фразу, как, не ожидая подлого удара в челюсть, рухнул на грязный пол.

– Это все из-за тебя! – Замахнувшись, Андрей обрушил на Коннора второй удар, едва не свернув ему нос набок. – Из-за тебя! – Глаза анархиста горели праведным гневом.

– Ты... – Наемник сплюнул кровь...

– Эгоист и сволочь! – Замах. – Тварь! – Удар. – Нытик бесполезный! – Замах. – Просто ублюдок! – Удар.

– Су-уука-ааа... – застонал Никита.

– Я-то?! Я сука?! Нет, тварь, это ты сука! – Занес кулак. – Ты та еще сука! Слушай, придурок, ну у тебя мозгов нет, ну, в армии твоей отбили! Или где ты там свой шрамик уродский получил? Ну, хрен с тобой, подохнуть тебе захотелось, да. Но пацаны?! Пацанов-то зачем?! Их за собой зачем тащить?! – Еще удар. – Нам дали время! Время нам дали, идиот! Мы могли что-то решить! Что-то предпринять! Или согласиться на их условия! Но ты, сука, решил, что вправе решать за всех нас! Что вправе развязать бойню! – Ярость обуревала Андрея, и он еще раз заехал Никите. – Ладно, тебя грохнут! Хорошо! Тебе это и на руку! На руку же! Твоя миссия завершена! Малинин сдох, а Лис отомщен! Можно и на покой! Ты же, сука, думаешь, сдох – и все?! И на других плевать?! Никаких обязательств и ответственности?! Так, ради прикола устроить пострелушку в последние минуты своей жалкой жизни!

– А-ааа... вон оно че... – Коннор расхохотался, словно сумасшедший.

– Смешно? Смешно тебе, да?! Я тебя убью. – Андрей поднялся. – Я тебя убью, Никита. – Расправил плечи. – Ты же этого и добиваешься. – Скинув автомат, громко передернул затвор. – Вот и все. – И приставил ствол к груди бывшего наемника.

– Добиваюсь? – прекратив ржать, переспросил тот. – Я бы хотел этого. Но не сейчас. Сейчас я хочу разбить твою тупую башку, а потом перебить тех мудаков, что шхерятся в Припяти, – признался Никита, – Короче, кхе-кха-кхе, либо ты слушаешь меня, – выдавил он и вновь закашлялся, – либо спускай курок.

– Я дам тебе последнее слово. Но только дернись, только дай мне повод, сука...

– Когда я шел сюда, я встретил один из их отрядов... – Никита прервался и застонал: – У, неплохо ты меня... Отрядов на, сука, джипе... Разведка, может. Или это были те, что устроили ловушку для нашей «буханки». Не знаю. Я их всех убил. Одного оставил, он раскололся. Они хотели убить Рахмана, посадить тебя во главу стола и сделать своей марионеткой. А еще, войдя на базу, они бы перебили часть твоей группировки, чтобы ослабить ее и сломать тебя лично. – Он зашелся в кашле. – Ты что, думаешь, что у нас был выход?! Я твою задницу спас, придурок! Я спас часть твоих людей! Я привел «Удар», и они поддержали нас, существенно сыграв в последнем акте! А ты что такой боевой?! Сдался этим ублюдкам! Ты просто сдался!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.